

A black and white photograph of George Orwell. He is shown from the chest up, looking down at a typewriter. He has dark, wavy hair and is wearing a dark, high-collared jacket. His hands are on the typewriter keys. The background is slightly out of focus, showing what appears to be a window or a wall with some vertical lines. Overlaid on the image is the name 'Orwell' in a large, red, cursive script.

Orwell

Д Ж О Р Д Ж

О Р У Э Л Л

Д Н Е В Н И К И

Джордж Оруэлл

Дневники

«Альпина Диджитал»

Оруэлл Д.

Дневники / Д. Оруэлл — «Альпина Диджитал»,

Впервые публикуемые на русском языке дневники Джорджа Оруэлла раскрывают перед нами неизвестную, скрытую от глаз читателей его великих произведений историю обыкновенной жизни необыкновенного человека. Одиннадцать сохранившихся дневников, написанных им в период с 1931 по 1939 год, описывают его юношеские скитания среди шахтеров и странствующих рабочих, подъем тоталитаризма и ужасную драму Второй мировой войны. Он записывал все – свои мысли, наброски стихов, наблюдения за погодой, вырезки из газет с рецептами и советами садоводу. Эти ежедневные записи сохранили бесценные «семена» событий и размышлений, из которых впоследствии выросли его литературные шедевры. В них также отразились и трагические моменты его личной жизни, такие как смерть первой жены и его собственное угасание в мучительной борьбе с туберкулезом. Стилистически безупречные, дневники Оруэлла впитали в себя всю полноту его жизни и мысли на протяжении многих лет, являясь опытом автобиографии, которую он так никогда и не напишет.

© Оруэлл Д.

© Альпина Диджитал

Содержание

Введение	7
Уборка хмеля	9
Уборка хмеля. Дневник	11
Дорога на Уиган-Пирс	23
Дневник	24
Конец ознакомительного фрагмента.	47
Комментарии	

Джордж Оруэлл
Дневники
Подготовлены к печати Питером Дэвисоном
Д Ж О Р Д Ж

О Р У Э Л Л

Д Н Е В Н И К И

Подготовлены к печати
Питером Дэвисоном

Перевод с английского

Москва
2020

Переводчики *Виктор Гольшев, Леонид Мотылев, Марк Дадян, Любовь Сумм*
Редактор *Роза Пискотина*
Главный редактор *С. Турко*
Руководитель проекта *О. Равданис*
Корректоры *Е. Аксёнова, О. Улантимова*
Компьютерная верстка *А. Абрамов*
Иллюстрации и макет *Lotta Viitaniemi*
Адаптация обложки *Ю. Буга*

© George Orwell

Compilation copyright © 2009 by The Estate of the late Sonia Brownell Orwell

Introduction and notes copyright © 2009 by Peter Davison

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2020

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Введение

Джордж Оруэлл усердно вел дневник, составлял списки, заносил в записные книжки свои соображения, наброски стихов («Это было во вторник утром», «Джозеф Хиггс, умерший в этом приходе»), копировал информацию и клеил вырезки из газет с рецептами, советами садоводу и т. п. Он составлял списки националистических лидеров, популярных песен, фраз на латыни, французском и других языках. Хорошо известен его список людей, которых он считал «криптокоммунистами» и «попучиками», сохранился обширный список книг, прочитанных им в последний год жизни. Много лет он собирал брошюры (теперь они в Британской библиотеке) и начал составлять их каталог. Он аккуратно записывал все свои литературные гонорары для налоговых деклараций. К сожалению, сохранились отчеты о заработках только с июля 1943 г. до декабря 1945 г. – как ни странно, в блокноте Эйлин того времени, когда она работала в правительственном отделе цензуры. Обычно он не оставлял рукописи опубликованных произведений; те, что уцелели (например, машинописные экземпляры «Скотного двора» и «1984»), сохранились, вероятно, только потому, что он не успел уничтожить их перед смертью. Дневники, однако, он хранил, и часто в машинописном виде. До нас дошло одиннадцать. Дневники не интимного характера, не зашифрованные, как у Пипса¹, – в них без обиняков рассказывается о жизни Оруэлла, его наблюдениях за природой и современными политическими событиями. В сентябре 1939 года, когда он отсутствовал в Уоллингтоне, Домашний дневник вела за него Эйлин, а зимой 1947–1948 гг., когда он был в больнице, сведения о погоде и работах в Барнхилле записывала его сестра Аврил.

Практически нет никаких сомнений в том, что двенадцатый и, возможно, тринадцатый дневники спрятаны в архиве НКВД в Москве. В марте 1996 г. профессор Миклош Кун, внук венгерского коммунистического лидера Белы Куна, сказал мне, что НКВД следил за Оруэллом и он знает, что там в архиве есть его дело. (Бела Кун разошелся с советскими властями и, вероятно, был расстрелян 29 августа 1938 года, хотя, по официальным советским источникам, умер в тюрьме 30 ноября 1939 г.) К сожалению, архив был закрыт и ознакомиться с ним было невозможно. Второго августа 1937 года Оруэлл писал Чарльзу Дюрану, что документы были изъяты в номере его жены в барселонском отеле «Континенталь». В «Памяти Каталонии» говорится, что шесть полицейских в штатском забрали «мои дневники». Учитывая стойкую привычку Оруэлла вести дневник, не исключено, что он вел дневник, когда служил полицейским в Бирме; но маловероятно, что такой найдется. В Домашнем дневнике 1 июня 1946 года Оруэлл упоминает о рецепте выделки кроличьих шкур «из другого дневника», но из какого, не выяснено. Несмотря на очевидные утраты, эти одиннадцать дневников и дневниковые записи в двух блокнотах дают представление (с упомянутыми лакунами) о жизни Оруэлла, начиная с уборки хмеля в 1931 году и до его последних дней в больнице.

Дневниковые записи Оруэлла с 9 августа 1938 года с отличными картами его путешествий того же времени публиковались – день в день – ровно семьдесят лет спустя на сайте The Orwell Prize, www.orwelldiaries.wordpress.com.

Представляя здесь дневники Оруэлла, я стремился сохранить его характерные особенности как автора дневников, а не как писателя-перфекциониста и в то же время сделать текст легко читаемым. Несущественные ошибки правописания исправлены без комментариев. В тех местах, где дневник вела Эйлин, их заметно меньше. Людей, обозначенных инициалами, я в меру сил постарался идентифицировать и дать расшифровки в квадратных скобках, например: А[врил], Б[илл]. Там, где Оруэлл перепечатывал дневник, отмечены лишь несколько интересных разночтений. Поправки, сделанные его рукой в машинописных текстах, учтены без ком-

¹ Сэмюэл Пипс (Пепис) (1633–1703) – чиновник Адмиралтейства, член парламента. – *Прим. пер.*

ментариев. Подробности можно найти в двадцатитомном Полном собрании сочинений Оруэлла (Complete Works of George Orwell). Отсылки к Полному собранию в сносках отмечены буквами *CW* с номерами тома и страниц. Здесь сноски существенно расширены по сравнению с Полным собранием.

Глубокая благодарность Фонду наследственного имущества Оруэлла, в частности Ричарду Блэру, Биллу Хэмилтону и Биллу Ферлонгу, хранителю архива в Библиотеке специальных собраний Университетского колледжа Лондона, за разрешение опубликовать дневники в таком виде. Я также очень благодарен Майре Джонс за пристальное чтение корректуры.

И последнее: притом что Оруэлл был решительно против написания его биографии, эти дневники, в сущности, описывают его жизнь и мнения на протяжении многих лет.

Собственные примечания Оруэлла даны в постраничных сносках. Также внизу страниц идут немногочисленные комментарии переводчиков и редактора русского издания. Примечания составителя помещены для удобства по возможности близко к самому тексту.

Уборка хмеля

Дневник 25 августа 1931 – 8 октября 1931

Джордж Оруэлл родился 25 июня 1903 года в Мотихари, Бенгалия; отец – Ричард Уолмси Блэр, сотрудник Опиумного департамента британской колониальной администрации; мать – Ида Блэр. При крещении был наречен Эриком Артуром. У него была старшая сестра Марджори. В 1904 году дети переехали в Англию и поселились в Хенли-на-Темзе. Снова он увидел отца летом 1907 года, когда тот приехал в отпуск. Младшая сестра Аврил родилась 6 апреля 1908 года. В 1912 году, когда отец вышел в отставку, семья переехала в Шиплейк, Оксфордшир; там Оруэлл подружился с семейством Баддикомов, в особенности со старшей дочерью Джасинтой. Карту района, где они жили и играли, можно найти в книге Джасинты Баддиком «Эрик и мы» (*Eric & Us*. См. в особенности второе издание с послесловием Дайони Венеблс, 2006). Сначала с Оруэллом занимались англиканские монахи, потом его отдали в приготовительную школу Св. Киприана в Истбурне (которую он ненавидел и описал в знаменитом эссе «О радости детства...» (*Such, Such Were the Joys*). Там он написал два патриотических стихотворения, они были опубликованы в газете *Henley and South Oxfordshire Standard*). Затем, получив стипендию, он проучился семестр в Веллингтонском колледже, после чего королевским стипендиатом поступил в Итон. После Первой мировой войны семья Блэров переехала в Саутуолд на побережье Суффолка.

С октября 1922 года до декабря 1927-го Оруэлл служил в Индийской имперской полиции в Бирме. Этот опыт нашел отражение в романе «Дни в Бирме» и двух самых важных ранних эссе: «Убийство слона» и «Казнь через повешение». Вернувшись в Англию в отпуск, он уволился – отказался от неплохо оплачиваемой работы ради того, чтобы стать писателем и зарабатывать чем придется. Он бродяжничал, несколько раз совершал вылазки в лондонский Ист-Энд, чтобы узнать жизнь бедняков и побыть в их шкуре. С весны 1928 года до декабря 1929-го поначалу он жил в рабочем районе Парижа на деньги, оставшиеся от Бирмы, и написал и опубликовал несколько статей. Кроме того, он написал роман или два (его сообщения на этот счет расходятся), но уничтожил их, о чем впоследствии сожалел. Его первые статьи – все, кроме одной, опубликованные во второстепенных парижских журналах, дают представление о его литературных интересах: цензура, безработица, империалистическая эксплуатация, литература (эссе о Джоне Голсуорси), популярная культура. Остаток сбережений у него украли, и некоторое время он работал в отвратительной кухне внешне шикарного отеля, а потом вернулся в Англию. Он поселился с родителями в Саутуолде и там написал первый вариант будущей книги «Фунты лиха в Париже и Лондоне», писал рецензии для журнала «Адельфи», продолжал бродяжничать и жить среди нищих. Осенью 1931 года он отправился в Кент убирать хмель, и в этом первом дневнике запечатлен его опыт. Дневник печатается здесь по машинописному варианту, законченному Оруэллом 10 октября 1931 года. Копию его он послал своему другу Деннису Коллингсу в Саутуолд. Коллингс (1905–2001) был антропологом, в 1934 году он стал помощником куратора Музея Раффлза в Сингапуре. Когда Сингапур захватили японцы, Коллингс бежал на Яву, но там был схвачен и посажен в лагерь. Оруэлл писал 22 января 1946 года, что видел его по возвращении и, «кажется, его заключение не было беспросветно страшным – он был переводчиком в лагере» (*CW*, XVIII, p. 53). Оруэлл предполагал показать текст их общему другу Коллетту Крессуэлу Пуллейну, барристеру в Йоркшире, и Элеоноре Джейкс, к которой испытывал нежные чувства, но она вышла замуж в 1934 году за Коллингса. Оруэлл написал еще и статью «Уборка хмеля», которая была напечатана 17 октября 1931 года в еженедельнике *The New Statesman and Nation* под фамилией Эрика Блэра (*CW*, X, pp. 233–5);

в статье была использована часть дневника. Уборкой хмеля занимается какое-то время Дороти Хейр в романе «Дочь священника» (гл. II).

Уборка хмеля. Дневник

25.8.31

Вечером 25-го отправился из Челси с 14 ш.² на руках и пошел в ночлежку Лью Ливи на Вестминстер-Бридж-роуд. Она почти не изменилась за три года, только кровати теперь почти все стоят шиллинг, а не девять пенсов. Виной тому вмешательство СЛГ, постановившего (в интересах гигиены, как обычно), что кровати в ночлежках должны отстоять одна от другой дальше. Есть целый ряд таких законов относительно ночлежек³, но нет и не будет закона о том, чтобы кровати были мало-мальски удобны. Смысл этого закона: кровати должны отстоять одна от другой на три фута, а не на два, и потому они на три пенса дороже.

26.8.31

На следующий день я пошел на Трафальгарскую площадь и устроился у северной стены, где собирается нищий люд Лондона. В это время года меняющееся население площади насчитывает 100–200 человек (процентов десять из них – женщины); некоторые рассматривают ее как свой дом. Еду добывают, регулярно побираясь (на Ковент-Гардене^[1] в 4 утра – побитые фрукты, кроме того, в женских монастырях по утрам, поздно вечером в ресторанах, роются в урнах и т. д.), «стреляя» у покладистых с виду прохожих себе на чай. Чай здесь пьют во всякое время: один предоставляет барабан, другой – сахар и т. д. Молоко сгущенное, 2,5 п. банка. Пробиваешь в ней ножом две дырки, одну прижимаешь к губам и дуешь; из другой тянется густая сероватая струйка. Потом дырки затыкают жеваной бумагой, и банка живет еще несколько дней, обрастая пылью и грязью. Горячую воду выпрашивают в кафе или ночью кипятят на кострах, но это приходится делать украдкой: полиция запрещает. Встречал людей, которые проводили на площади шесть недель без перерыва и выглядели не так уж плохо, разве что были неопишимо грязны. И как всегда, среди нищих большая доля ирландцев. Время от времени эти люди навещаются домой и, кажется, даже не думают платить за дорогу, плывут зайцами на малых грузовых судах, команда смотрит на это сквозь пальцы.

Я хотел переночевать в церкви св. Мартина^[2], но, судя по рассказам, там допрашивает с пристрастием женщина по прозвищу Мадонна, так что решил ночевать на площади. Оказалось не так плохо, как я ожидал, но из-за холода и полицейских не мог сомкнуть глаз, да и никто, кроме нескольких закаленных бродяг, тоже не пытался уснуть. Скамеек хватало человек на пятьдесят, остальным приходилось сидеть на земле, что, конечно, запрещено законом. Каждый несколько минут раздавался крик: «Атас, полиция!» – и шел полицейский, тряс спящих и заставлял подняться с земли. Как только он проходил, мы опять пробовали прикорнуть, и продолжалась эта игра с восьми вечера до трех часов ночи или четырех утра. После полуночи стало так холодно, что приходилось подолгу ходить, чтобы согреться. В эти часы улицы жутковаты, безмолвны и пустынно и светло почти как днем из-за ярких фонарей, придающих всему мертвенный оттенок, словно Лондон – это труп города. В четвертом часу я с еще одним человеком пришел на газон позади плац-парада Гвардии и увидел проституток, лежащих с мужчинами в ледяном тумане и росе. На площади всегда обретаются проститутки; здесь были незадачливые,

² Здесь и далее сокращения: ш. – шиллинги, п. – пенса, ф. – фунты стерлингов. – *Прим. пер.*

³ Пример – кафе Дикса на Биллингсгейте. «Дикс» было одним из немногих мест, где можно получить чашку кофе за 1 пенс, и там были камин, у которых можно было греться часами, до раннего утра. Но на прошлой неделе СЛГ его закрыл на основании антисанитарии. [Примечание Оруэлла.] СЛГ – Совет Лондонского графства.

которые не смогли заработать на ночлег. Ночью одна из этих женщин лежала на земле и горько плакала: мужчина ушел, не заплатив ей положенных шести пенсов. А к утру они не получают даже шести пенсов, разве что чашку чаю или сигарету. Около четырех кто-то раздобыл связку газет; шесть или восемь мы постелили на скамью, остальными упаковались в большие кули, и они согревали нас, пока не открылось кафе «Стюартс» на Сент-Мартинс-лейн. У Стюарта ты можешь сидеть от пяти до девяти с одной чашкой чая (иногда с одной чашкой на троих или четверых), и разрешается спать, положив голову на стол, до семи утра – в семь хозяин вас будит. Там собирается пестрая публика – бродяги, грузчики с Ковент-Гардена, утренние дельцы, проститутки – и постоянно случаются ссоры и драки. В этот раз старая уродливая женщина, жена грузчика, поносила двух проституток, потому что они могли позволить себе завтрак лучше, чем у нее. После каждого поданного им блюда она возмущенно выкрикивала: «Вот еще одно за случку! Копченой селедки на завтрак не кушаем, девочки? Чем, думаете, она заплатила за пончики? Этот негр поимел ее за шесть пенни» и т. д., и т. д., но проститутки почти не обращали внимания.

27.8.31

Около восьми утра мы все побрились у фонтанов Трафальгарской площади, и большую часть дня я провел за чтением *Eugenie Grandet*^[3], единственной книги, которую взял с собой. Вид французской книги вызвал обычные комментарии: «Ага, французская? Смачная, небось?» и т. п. Видимо, большинство англичан не представляют себе французской книжки без порнографии. Здесь нищие, кажется, читают только книги типа романов о Буффало Билле. У каждого бродяги есть с собой такая, и это что-то вроде общей библиотеки – они меняются книгами, когда попадают в работный дом.

На другое утро мы собирались отправиться в Кент, и я решил поспать на кровати – пошел в ночлежку на Саутуарк-Бридж-роуд. Стоит семь пенсов, одна из немногих в Лондоне, и удобства соответственные. Кровати пять футов длиной, без подушек (под голову кладут свернутое пальто), населены блохами и клопами. Кухня в маленьком вонючем подвале; в нескольких футах от уборной, за столом с засиженными мухами пирожками на продажу, сидит дежурный. Крыс столько, что из-за них специально держат несколько кошек. Жильцы, по-моему, докеры, публика, мне показалось, неплохая. Среди них был парень, бледный, чахоточного вида, очевидно рабочий и любитель поэзии. Он повторял с большим чувством:

Так вещает о весне
Кукушкин отклик, нежный зов
В пустынной дальней стороне
Гебридских островов^[4].

Остальные не очень над ним смеялись.

28.8.31

На следующий день, во второй половине, вчетвером отправились на уборку хмеля. Самым интересным из спутников был молодой человек по прозвищу Рыжий; мы по-прежнему вместе, когда я это пишу. Это сильный, атлетичный молодой человек двадцати шести лет, почти неграмотный и совсем глупый, но смелый, готов на любую проделку. За последние пять лет, когда не сидел в тюрьме, наверное, не было дня, чтобы он не нарушил закон. Мальчишкой он три года провел в Борстале^[5], вышел, в восемнадцать лет, после удачной кражи со взломом, женился и вскоре после этого поступил на службу в артиллерию. Жена умерла; через недолгое

время у него случилось несчастье с левым глазом, и его уволили. Ему предложили на выбор пенсию или единоразовую сумму, он, конечно, выбрал единоразовую и спустил за неделю. После этого опять занялся грабежами и шесть раз сидел в тюрьме, но не подолгу: попадался на мелких делах; одно или два принесло ему £500. Со мной как с партнером совершенно честен, но вообще готов украсть все, что плохо лежит. Сомневаюсь, что он был умелым вором: будучи глуп, он не мог оценить риск. Очень жаль: он мог бы, если бы захотел, прилично зарабатывать на жизнь. У него хорошие задатки уличного торговца, и он много раз торговал на комиссионной основе, но, когда выдавался удачный день, сразу удирал с выручкой. У него талант добиваться скидок: например, всегда может уговорить мясника, чтобы отдал ему фунт съедобного мяса за два пенса. И в то же время совершенный дурак в отношении денег, не способен отложить полпенса. Любит петь песни типа «Серый домик на Западе»^[6] и говорит о покойной жене и матери со слащавой сентиментальностью. Представляется мне довольно типичным мелким преступником.

Что до двух остальных, один – двадцатилетний парень, прозвище – Молодой Рыжий. Молодой малый, симпатичный, но рос сиротой, совсем необразованный, последний год прожил большей частью на Трафальгарской площади. Другой – маленький ливерпульский еврей восемнадцати лет, беспризорник. Не помню, чтобы кто-нибудь был противнее мне, чем этот парень. Неразборчив в еде, как свинья, вечно рылся в урнах, лицом походил на какого-то грязного зверька-падальщика. Его разговоры о женщинах и выражение лица при этом были непристойны до омерзительности, почти до тошноты. Мы не могли убедить его помыться, мыл он только нос и маленький участок вокруг носа и небрежно заметил, что на нем живут несколько пород вшей. Он тоже был сиротой и бродяжничал чуть ли не с младенчества.

Теперь у меня оставалось примерно 6 ш.^[7] и, прежде чем двинуться дальше, мы купили так называемые одеяла за 1 ш. 6 п. и выпросили несколько жестяных банок – для котелков. Единственная надежная банка в этом качестве – двухфунтовая жестянка из-под нюхательного табака, и раздобыть ее непросто. У нас были хлеб, маргарин, чай и несколько ножей, вилка и пр., украденных в разное время в «Вулвортсе». За два пенса доехали на трамвае до Бромли, там «разбили бивак» на свалке, дожидаясь еще двоих, но они так и не появились. Когда стемнело, ждать перестали, но искать хорошее место для ночлега было уже поздно, и пришлось ночевать в высокой сырой траве у края игровой площадки. Холод пронизывающий. У нас было два тонких одеяла на четверых, разжигать костер было небезопасно, кругом дома, и лежали мы на склоне, так что время от времени кто-то скатывался в канаву. Унизительно было видеть, как остальные, все моложе меня, крепко спят, несмотря на неудобства, я же глаз не могу сомкнуть всю ночь. Чтобы нас не арестовали, пришлось уйти до рассвета, и только через несколько часов нам удалось добыть горячей воды и позавтракать.

29.8.31

Пройдя мило-другую, мы набрали на сад, и кое-кто из наших вошли туда и стали воровать яблоки. Изначально я не был к такому готов, но понял, что должен либо действовать так же, либо уйти от них; поэтому присоединился к ним. Но в первый день яблок не крал, а только «стоял на шухере». Мы двигались приблизительно в направлении Севеноукса и к обеду украли больше десятка яблок и слив и пятнадцать фунтов картошки. По дороге, когда попадалась булочная или кафе, некоторые заходили и просили еды; набралось порядочно поломанного хлеба и кусочков мяса. Когда остановились, чтобы разжечь костер и пообедать, появились двое бродяг-шотландцев, воровавших яблоки в соседнем саду; долго с нами разговаривали. Разговоры вертелись вокруг секса – в гнусном тоне. Бродяги отвратительны, когда говорят на эти темы: нищета лишает их женщин, и сознание их отравлено непристойностью. Просто похотливые люди еще выносимы, но похоть, не находящая разрешения, чудовищно портит людей. Они

напоминают мне собак, завистливо кружащих около пары, занятой случкой. Молодой Рыжий рассказывал, как он и еще несколько человек на Трафальгарской площади обнаружили «педа», голубого. Они тут же напали на него, отняли 12 ш. 6 п – все, что у него было, – и потратили на себя. Видимо, считали, что это правильно – ограбить, раз он голубой.

Мы продвигались очень медленно, потому что Молодой Рыжий и еврей не привыкли много ходить и без конца останавливались в поисках объедков. Один раз еврей собрал с земли растоптанную жареную картошку и съел. Дело шло к вечеру, и мы решили идти не в Севенуокс, а к рабочему дому в Айд-Хилле: шотландцы сказали нам, что условия там лучше, чем обычно изображают. За милю до ночлежки мы остановились, чтобы выпить чаю, и помню, как джентльмен с машиной любезнейшим образом помог нам найти дрова для костра и каждому дал по сигарете. Потом мы пошли к ночлежке и по дороге наломали жимолости в подарок коменданту^[8]. Мы подумали, что он расположится к нам и позволит уйти завтра утром: по воскресеньям бродяг обычно не отпускают из ночлежки. Однако, когда мы пришли туда, комендант сказал, что должен задержать нас до утра вторника. Выяснилось: хозяин настаивает, чтобы каждый бродяга отработал один день, но и слышать не хочет о том, чтобы работали в воскресенье; в воскресенье должны отдыхать, трудиться – в понедельник. Молодой Рыжий и еврей решили остаться до вторника, а мы с Рыжим пошли ночевать на краю парка, около церкви. Холод был жуткий, но все же легче, чем накануне, потому что у нас было много дров и мы могли развести костер. На ужин Рыжий выпросил у местного мясника почти два фунта колбасы. Субботними вечерами мясники всегда очень щедры.

30.8.31

Утром нас застал и прогнал – но не очень грубо – священник, пришедший на утреннюю службу. Мы пошли дальше, через Севенуокс к Силу; встречный посоветовал нам попроситься на работу на ферме Митчелла тремя милями дальше. Мы пришли туда, но фермер сказал, что не может взять нас на работу: у нас нет жилья, а тут рыщут государственные инспекторы и следят, чтобы сборщики хмеля имели «надлежащее жилье». (Между прочим, эти инспекторы⁴ в нынешнем году не дали получить работу на хмеле сотням безработных людей. Не располагая «надлежащим жильем» для сборщиков хмеля, фермеры могли нанимать только местных, у которых есть свой дом.) На одном из полей Митчелла мы украли примерно фунт малины, пошли дальше и предложили свои услуги фермеру по фамилии Кронк; он дал нам тот же ответ, но мы унесли пять или десять фунтов картофеля с его поля. Двинувшись в направлении Мейдстоуна, повстречались со старой ирландкой, которую Митчелл на работу взял потому, что у нее якобы есть жилье в Силе, хотя на самом деле не было. (Она спала у кого-то в садовом сарае. Пробиралась туда в темноте и уходила до рассвета.) В одном доме нам дали горячей воды, ирландка выпила с нами чаю и поделилась едой: ей надавали лишнего. Мы были этому рады, у нас оставалось всего два с половиной пенса и почти ничего съестного. Начался дождь, мы пошли на ферму возле церкви и попросили пустить нас в коровник. Фермер с семьей собирались на вечернюю службу, и они возмущенно ответили, что, конечно, не могут нас пустить. Тогда мы устроились в крытых кладбищенских воротах, надеясь, что при виде грязных, усталых людей молящиеся поделятся несколькими медяками. Ничего нам не подали, но после службы Рыжий разжился у священника приличными фланелевыми брюками. В воротах было очень неудобно, мы промокли, табак кончился, а прошли мы двенадцать миль; но, помню, были веселы и все время смеялись. Ирландка (ей было шестьдесят лет, и, по-видимому, всю жизнь бродяжничала), необыкновенно веселая тетка, знала массу историй. Рассказывала,

⁴ Назначены лейбористским правительством. [Примечание Оруэлла.]

где ей приходилось ночевать: однажды холодной ночью забралась в свиарник и согревалась, прижавшись к старой свиноматке.

Стемнело, дождь не переставал, и мы решили поискать пустой дом для ночлега, но сперва пошли к бакалейщику и купили фунт сахара и две свечи. Пока я покупал, Рыжий украл с прилавка три яблока, а ирландка – пачку сигарет. Они придумали это заранее и мне об этом не сказали, чтобы использовать мой наивный вид как прикрытие. После долгих поисков нашли недостроенный дом и влезли через окно, не закрытое строителями. Спать на голом полу было дьявольски жестко, но все же теплее, чем на улице, и мне удалось два-три часа подремать. Поднялись еще до рассвета и, как условились, встретились с ирландкой в ближнем лесу. Шел дождь, но Рыжий умел развести костер чуть ли не в любых условиях, мы вскипятили чай и испекли картошку. Когда рассвело (1.9.31), ирландка отправилась на работу, а мы с Рыжим пошли к ферме Чамберса, в миле или двух, просить работу. Когда мы пришли на ферму, там в это время вешали кошку – ни о чем подобном я даже не слышал. Управляющий сказал, что, наверное, сможет дать нам работу, и велел подождать; мы прождали с восьми утра до часу, и в результате он сообщил, что работы для нас все-таки не нашлось. Мы ушли, наворовав яблок и мелких черных слив, и двинулись по дороге на Мейдстон. Около трех остановились пообедать и сварили джем из украденной накануне малины. Где-то там, помню, в двух домах нам отказали в холодной воде, потому что «хозяйка не велит нам что-либо давать бродягам». Рыжий увидел неподалеку джентльмена с машиной, расположившегося поест на природе, и пошел попросить у него спичек: у приехавших на пикник выгодно просить, сказал он, у них всегда остается что-то не съеденное. И в самом деле, джентльмен дал остаток сливочного масла и разговорился с нами. Он был так дружелюбен, что я забыл включить свой простонародный лондонский выговор. Он внимательно посмотрел на меня и сказал: как тяжело, должно быть, человеку моего сорта... и т. д. Потом он сказал: «Слушайте, вас не обидит? Вы не против взять это?» «Это» был шиллинг, на него мы купили табаку и впервые за день закурили. За все наше путешествие нам впервые дали денег.

Мы шли в направлении Мейдстоуна, но не успели пройти двух-трех миль, как хлынул дождь, и левый башмак сильно натирал мне ногу. Я три дня не снимал башмаки, за последние пять ночей поспал хорошо если часов восемь, так что не готов был провести еще одну ночь на воздухе. Мы решили идти к работному дому в Уэст-Моллинге, до которого было миль восемь, и, если повезет, подсесть к кому-нибудь в машину. Мы сигналили, наверное, сорока грузовикам – никто нас не брал. Теперь водители боятся сажать, потому что такие пассажиры не застрахованы и в случае дорожного происшествия шофера выгонят с работы. В конце концов нас подобрали и высадили в двух милях от места; мы добрались туда в восемь вечера. Перед воротами нам встретился старый глухой бродяга, он собирался ночевать под проливным дождем: прошлую ночь он провел в работном доме, и, если явится опять, его задержат на неделю. Он сказал, что на ферме Блеста поблизости нам могут дать работу, а из работного дома выпустят, если скажем там, что работу уже нашли. Иначе нам придется задержаться на целый день или же «махнуть через стену», когда комендант не видит. Бродяги часто так делают, но пожитки надо припрятать снаружи, а в такой дождь – невозможно. Мы вошли, и оказалось (если Уэст-Моллинг типичен): работные дома заметно улучшились с тех пор, как я побывал в таком последний раз⁵. В ванной было чисто и порядок, нам дали по чистому полотенцу. Но еда все та же: хлеб и маргарин; мы простодушно спросили, что такое мы пьем, чай или какао⁶, чем вызвали гнев коменданта. У нас были кровати с соломенными тюфяками и много одеял, и оба спали как убитые.

⁵ Нет, пожалуй, чуть похуже стали. [Примечание Оруэлла.]

⁶ Так до сих пор и не знаю. [Примечание Оруэлла.]

Утром нам приказали работать до одиннадцати, убирать одну из спален. Как обычно, работа была чистой формальностью. (Я ни разу всерьез не работал в таком приюте и никогда не видел, чтобы кто-нибудь работал.) В спальне было пятьдесят тесно стоящих кроватей и висел теплый запах фекалий, от которого, кажется, нельзя избавиться ни в одной ночлежке. Там был слабоумный нищий, тяжеловес с маленьким рылоподобным личиком и кривой улыбкой. Он очень медленно опорожнял ночные горшки. Все работные дома похожи один на другой, и есть что-то отвратительное в их атмосфере. От одной мысли об этих немолодых людях с серыми лицами, ведущих тихую, обособленную жизнь в запахе ватерклозета и практикующих гомосексуализм, мне становится тошно. Но передать то, что я чувствую, сложно – все это связано с запахом работного дома.

В одиннадцать нас отпустили, по обыкновению с ломтем хлеба и сыром, и мы отправились к ферме Блеста, за три мили; но добрались туда только к часу, остановившись по дороге, чтобы нагрести в саду мелких черных слив. Когда мы пришли на ферму, бригадир сказал, что ему нужны сборщики хмеля, и сразу послал нас в поле. У нас оставалось всего три пенса, и вечером я написал домой письмо с просьбой прислать мне десять шиллингов. Они пришли через два дня, и за это время нам было бы нечего есть, если бы нас не подкармливали другие сборщики. После этого почти три недели мы убирали хмель, и разные стороны этого дела я лучше опишу отдельно.

X 2.9.31 до 19.9.31⁷

Хмелю нужна опора – жерди или проволока футов в десять высотой; сажают его рядами, в ярде или двух один от другого. Сборщик должен просто сорвать плеть и собрать шишки в корзину, стараясь, чтобы туда не попали листья. На практике, конечно, этого избежать нельзя, опытные сборщики, чтобы увеличить объем, подкладывают столько листьев, сколько вытерпит фермер. Навыками сбора овладеваешь быстро; трудности – три: весь день стоишь (обычно мы проводили на ногах десять часов в день), тля и повреждение рук. От сока хмеля руки становятся черными, как у негра, смыть можно только илом⁸, а через день или два кожа трескается, стебли своими колючками режут ладони. По утрам, когда порезы еще не открылись, руки причиняли мучительную боль, и даже сейчас, когда я это печатаю (10 октября), следы видны. Большинство людей, убирающих хмель, занимаются этим ежегодно с детства, работают с молниеносной быстротой и знают разные хитрости: например, встряхивают корзину, чтобы шишки легли более рыхло, и т. д. Успешнее всего работали семьи, где двое или трое взрослых обирали плети, а пара детей подбирала опавшие шишки и снимала со случайно оставленных стеблей. Законы о детском труде не принимаются в расчет, и детей гоняют почем зря. Женщина по соседству с нами, типичная старорежимная жительница Ист-Энда, понукала внуков, как рабов («Пошевеливайся, Роз, ленивая девчонка, подбирай живее. Смотри, доберусь до тебя, надеру задницу»), покуда дети, лет шести и десяти, не падали на землю и тут же не засыпали. Но работа им нравилась и, думаю, была не вреднее школы.

Что касается заработка, система оплаты была такая. Два или три раза в день собранное замеряют, и вам полагается определенная сумма (в нашем случае два пенса) за бушель⁹. Хорошая плеть дает полбушеля шишек, и хороший сборщик может обобрать ее минут за десять, так что теоретически за шестидесятичасовую рабочую неделю можно заработать 30 шиллингов. Но на практике это невозможно. Во-первых, растения сильно рвутся. На некоторых

⁷ Отрывок между косыми крестиками X использован в статье для «Нэйшн». [Примечание Оруэлла.] Он занимает шесть абзацев.

⁸ Или соком хмеля, как ни странно. [Примечание Оруэлла.]

⁹ Бушель – 36,37 л. – *Прим. пер.*

шишки величиной с маленькую грушу, на других чуть ли не с горошину; плохие плети обирать дольше: они обычно сильнее перепутаны, иногда таких нужно пять или шесть, чтобы набралось на бушель. Потом всякого рода задержки, а за потерянное время сборщики не получают компенсации. Иногда идет дождь (тогда шишки становятся скользкими, их трудно снимать). Затем переход с поля на поле – тоже ожидание, потеря времени. А главное – вопрос измерения. Шишки мягкие, как губка, и мерщику, если захочет, легко утрамбовать бушель в кварту¹⁰. Иногда он просто забирает собранное, а иногда по приказу фермера «утяжеляет» – утискивает шишки в корзине, так что из двадцати бушелей в коробе получается двенадцать или четырнадцать, т. е. потеря примерно в шиллинг. Об этом была песня, старуха из Ист-Энда с внуками пели ее постоянно:

Чертовы шишки!
Чертовы шишки!
Мерщик придет, все заберет,
Греби их с земли, в корзину клади,
Мерить станет,
Меры не знает,
Чтоб им пусто было!

Из короба шишки перекладывают в десятибушелевые мешки, которые должны весить около ста фунтов; обычно их несет один человек. Но после «утяжеления» мешок приходится тащить уже двоим.

Из-за этих осложнений заработать в неделю 30 шиллингов или около того не получается. Любопытно, что очень немногие сборщики осознают, как мало они в действительности зарабатывают: сдельная оплата не позволяет понять, насколько низки расценки. Самыми лучшими сборщиками в нашей бригаде была семья цыган, пятеро взрослых и ребенок: все они собирали хмель каждый год с тех пор, как научились ходить. За три недели без малого они заработали ровно £10: если не считать ребенка, примерно по 14 шиллингов в неделю каждый. Мы с Рыжим зарабатывали примерно по 9 шиллингов в неделю^[9], и сомневаюсь, что кто-нибудь мог заработать в неделю больше 15 шиллингов. При таких расценках работающая семья может себя прокормить и оплатить обратную дорогу до Лондона, а одиночке даже это едва ли удастся. На некоторых фермах поблизости платят шиллинг не за 6 бушелей, а за 8 или 9, так что заработать за неделю 10 шиллингов очень трудно.

При поступлении на работу ферма дает человеку отпечатанный список правил, превращающих сборщика в подобие раба. Согласно этим правилам, фермер может уволить его без предупреждения и по любому поводу и платить ему из расчета шиллинг за 8 бушелей, а не за 6, т. е. конфисковать четверть заработка. Если работник уходит до завершения уборки, плату урезают таким же образом. Ты не можешь получить свои деньги и уйти, потому что ферма никогда не даст тебе больше двух третей заработанного на сегодня, и, таким образом, она у тебя в долгу до последнего дня. Бригадир получает жалованье, а не сдельно; в случае забастовки жалованье ему не идет, поэтому, естественно, он перевернет небо и землю, чтобы ее предотвратить. В общем, сборщики всегда будут в ярме, пока не объединятся в профсоюз. Но от организации толку будет мало, потому что половина сборщиков – женщины и цыгане – по глупости не могут оценить преимущества союза.

Что касается жилья, самым лучшим на ферме, как ни парадоксально, были заброшенные конюшни. Большинство из нас спали в сарайчиках из гофрированного железа шириной футов в десять, без стекол в окнах, со множеством дыр, в них дуло и залетал дождь. Мебелью в этих

¹⁰ Кварта – 1,14 л. – Прим. пер.

сараях служили кучи соломы и стеблей хмеля, и только. В нашем спали четверо, в некоторых – по семь-восемь человек, и это даже лучше – в сарае теплее. Спать на соломе скверно (ее продувает сильнее, чем сено); у нас с Рыжим было по одеялу, в первую неделю мучил холод, но потом мы натащили мешков и отогрелись. Ферма бесплатно давала дрова, но меньше, чем надо. Кран с водой в двухстах ярдах, уборная на таком же расстоянии, но настолько загаженная, что лучше бы прошел милоу, чем ею воспользоваться. Был ручей, где мы могли кое-что постирать, но попасть в сельскую баню было не легче, чем купить дрессированного кита.

Х Сборщиков хмеля можно разделить на три категории: жители Ист-Энда, в большинстве уличные торговцы, цыгане и мигрирующие сельскохозяйственные рабочие с небольшой добавкой бродяг. Мы с Рыжим были бродяги, и это вызывало сочувствие у более или менее благополучных работников. Одна семейная пара, торговец и его жена, отнеслись к нам как отец с матерью. Они были того типа люди, которые напиваются по субботам и без матерного слова не могут сказать ни одной фразы; при этом я не встречал людей более добрых и тактичных. Они без конца подкармливали нас. К нам в сарай приходил ребенок с тушеным мясом в кастрюле: «Эрик, мать хотела выбросить, но сказала – жалко. Не возьмете?» Выбрасывать, разумеется, они не собирались: просто не хотели, чтобы это выглядело милостыней. Однажды дали нам целую свиную голову, уже приготовленную. Эти люди не первый год ездили и сочувствовали нам. «А, знаю, каково это. Спать в сырой траве, а утром клянчить молочка для чашки чаю. Двое из моих ребят родились в дороге». И т. д. Еще один человек, помогавший нам, был рабочим на бумажной фабрике. До этого он работал в санитарной службе ресторанной сети «Лайонс» и рассказал мне, что грязь и количество грызунов в кухнях «Лайонса», даже в главном офисе Кадби-холла, превосходили всякое воображение. Когда он работал в их ресторане на Трогмортон-стрит, крыс было столько, что ночью появляться на кухне было небезопасно; приходилось носить револьвер^[10]. Пообщавшись несколько дней с этими людьми, я решил, что хватит напрягаться, изображать кокни, и они заметили, что я говорю «по-другому». Как обычно, это еще больше расположило их ко мне: они, должно быть, думали, что такому, наверное, особенно тяжело «очутиться на дне».

Из приблизительно двухсот сборщиков пятьдесят или шестьдесят были цыгане. Они чем-то похожи на крестьян Востока – такие же тяжелые лица, туповатые и одновременно хитрые, так же, как сами они, смекалисты в своих делах и поразительно невежественны в остальном. Большинство не умеют прочесть ни слова, а их дети, видимо, никогда не ходили в школу. Один цыган лет сорока задавал мне такие вопросы: «От Парижа далеко до Франции?», «Сколько дней езды отсюда до Парижа?» и т. п. Двадцатилетний парень по десять раз на дню загадывал такую загадку: «Сказать тебе, чего ты не сможешь сделать?» – «Чего?» – «Почесать комару жопу телеграфным столбом». (Под оглушительный смех слушателей.) Цыгане, кажется, вполне богаты, у них крытые повозки, лошади и т. д.; при этом они круглый год кочуют с работы на работу и копят деньги. Они говорили, что наш образ жизни (в домах и т. д.) для них противен, и объясняли, как ловко уклонялись от армии во время войны. Когда разговариваешь с ними, кажется, будто говоришь с людьми из другого века. Я часто слышал от них такое: «Если бы знал, где то-то и то-то, гнал бы за этим на лошади, пока последняя подкова не слетит» – метафора не из двадцатого века. Однажды цыгане беседовали о знаменитом конокраде Джордже Бигланде, и один, защищая его, сказал: «Не думаю, что Джордж такой плохой, как вы изображаете. Я знаю, что он крал лошадей у горджио (не цыган), но никогда не дойдет до того, чтобы красть у нас».

Цыгане называют нас «горджио», а себя – «рома», прозвище у них – «дидикай» (не уверен в написании). Все они знают язык романи и время от времени вставляли несколько слов, когда не хотели, чтобы их разговор поняли. Заметил у цыган любопытную особенность (не знаю, повсюду ли у них так): часто видишь семью, где все совершенно не похожи друг на друга. Это

как будто бы подтверждает слухи о том, что цыгане воруют детей; но причина скорее в другом: как говорится, «умное дитя знает, кто его папа».

В нашем сарайчике жил старый глухой бродяга, с которым мы познакомились по дороге к Уэст-Моллингу, его так и звали: Глухой. По разговору он напоминал тетушку мистера Ф.^[11], а выглядел как персонаж с рисунков Джорджа Белчера^[12], но человек был умный, неплохо образованный и, без сомнения, не стал бы бродягой, если бы не глухота. Для тяжелой работы у него не было сил, и он годами перебивался разными заработками вроде уборки хмеля. По его подсчетам, он побывал больше чем в четырехстах разных ночлежках. Остальные двое, Барретт и человек из нашей бригады, Джордж, были типичными сельскохозяйственными рабочими-мигрантами. Последние годы у них был постоянный круговой маршрут: ранней весной, в период ягнения, работа в овчарне, потом уборка гороха, клубники, разных фруктов, хмеля, копка картофеля, турнепса и сахарной свеклы. Они редко остаются без работы дольше чем на одну-две недели и за это время успевают проесть все заработанное. Они пришли на ферму Блеста без гроша, и я точно видел, что один день у Барретта крошки не было во рту. Что приносили им труды: одежду, в которой ходят, солому, на которой спят круглый год, и харч – хлеб, сыр, бекон. Да еще, наверное, возможность раза два за год хорошенько выпить. Джордж был унылый тип, он с какой-то жалкой гордостью относился к тому, что недоедает, работает сверх сил и вынужден все время переходить с одной работы на другую. И песня у него была такая: «Таким, как мы, не по чину думать об умных вещах». (Он не умел ни писать, ни читать и, кажется, вообще считал грамотность блажью.) Я с этой философией хорошо знаком: часто слышал ее от судомоев в Париже^[13]. Барретт, которому было шестьдесят три года, часто сетовал на плохую еду в наше время – по сравнению с тем, что было в молодости: «Тогда мы не жрали чертов хлеб с маргарином, с пустым пузом не ходили. Телячье сердце. Пельмени с беконом. Кровяная колбаса. Голова свиная». Мечтательный, ностальгический тон, каким он произнес: «Голова свиная», говорил о десятилетиях, прожитых впроголодь.

Кроме этих обычных сборщиков, были такие, которых называли «домашними», – местные, занимавшиеся уборкой хмеля от случая к случаю, больше для развлечения. Обычно фермерские жены или кто-то из домочадцев, и, как правило, они и пришлые терпеть не могли друг друга. Но была там и очень славная женщина, она подарила Рыжему пару башмаков, а мне прекрасный пиджак с жилетом и две рубашки. Большинство же местных смотрели на нас как на грязь; лавочники вели себя пренебрежительно, хотя мы сообща оставили в деревне, наверное, несколько сотен фунтов.

За уборкой хмеля один день почти не отличается от другого. Без четверти шесть утра мы выползали из соломы, надевали пальто и башмаки (во всем остальном спали), выходили наружу, разводили огонь – дело непростое, в этом сентябре то и дело шел дождь. К половине седьмого заваривали чай, поджаривали хлеба на завтрак и шли на работу, захватив бутерброды с беконом и жестяной котелок с холодным чаем для обеда. Если не было дождя, работали без перерыва примерно до часа, потом разводили костер среди стеблей, грели чай и полчаса отдыхали. Потом опять за работу до половины шестого, а пока вернешься домой, отмоешь с рук сок хмеля, выпьешь чаю, уже стемнеет и сон валит с ног. Но часто по ночам ходили воровать яблоки. Поблизости был большой сад, и втроем или вчетвером мы регулярно его грабили, набирали в мешок фунтов пятьдесят яблок и несколько фунтов лещины. По воскресеньям стирали в ручье носки и рубашки и остаток дня спали. Сколько помню, я ни разу за все время не разделся полностью, ни разу не почистил зубы и брился только два раза в неделю. Работа, приготовление еды (а это означало без конца таскать жестянки с водой, сражаться с намокшим хворостом, жарить на жестяных крышках и т. д.) не оставляли, кажется, ни минуты свободной. За все время я читал только одну книжку, все про того же Буффало Билла. Подсчитав наши расходы, я нашел, что мы с Рыжим тратили на еду примерно по пять шиллингов в неделю, и нет ничего удивительного, что нам постоянно не хватало табаку и мы постоянно испытывали

голод, несмотря на краденые яблоки и подачки от других. Мы без конца считали фартинги¹¹, решая, можно ли позволить себе еще пол-унции табака-горлодера или на два пенса бекона. Жизнь была не так уж плоха, но целый день на ногах, ночлег в соломе, исколотые в решето руки – к концу я чувствовал себя развалиной. Унизительно было видеть, что большинство людей здесь относились к уборке хмеля как к каникулам или отдыху – потому сборщикам и платят по-нищенски, что их работа считается отдыхом. Это дает представление о жизни сельскохозяйственных рабочих: по их меркам, уборку хмеля и работой-то трудно считать.

Как-то ночью к нам постучался парень и сказал, что он новый рабочий и ему велено ночевать у нас. Мы впустили его и накормили утром, после чего он исчез. Видимо, он был не сборщик, а бродяга, и в сезон уборки хмеля бродяги часто пускаются на такую хитрость, чтобы переночевать под крышей. Другой ночью пришла женщина – она собралась домой и попросила меня поднести ее багаж к станции Уотерингбери. Она не доработала до конца срока, и ей заплатили из расчета шиллинг за восемь бушелей, так что заработка хватило только на то, чтобы доехать с семьей до дома. Я вез детскую коляску с кривым колесом, нагруженную громадными свертками, – в темноте, две или три мили, в сопровождении галдящих детей. Когда добрались до станции, как раз подъезжал последний поезд, и, заторопившись, я на переезде коляску опрокинул. Никогда не забуду этих секунд: поезд надвигается, а мы с носильщиком гонимся за жестяным ночным горшком, который катится между рельсами. Несколько раз по ночам Рыжий уговаривал меня пойти с ним ограбить церковь – и отправился бы один, если бы я не вбил ему в голову, что подозрение непременно падет на него, поскольку известно его уголовное прошлое. Церкви ему приходилось грабить, и, к моему удивлению, он сказал, что в ящике для пожертвований бедным обычно есть чем поживиться. Раза два были у нас вечеринки по субботам: сидели до полуночи вокруг большого костра и жарили яблоки. Помню, в одну из таких ночей выяснилось, что из полутора десятков людей у костра один я ни разу не сидел в тюрьме. По субботам в городке случались и бурные сцены: те, кто был при деньгах, крепко напивались, и выводить их из пивной приходилось полиции. Не сомневаюсь, что местные считали нас грубой, противной публикой, но я не мог отделаться от мысли, что это вторжение лондонского простонародья раз в году вносит приятное разнообразие в скучную жизнь городка.

19.9.31

В последнее утро, когда убрали последнее поле, была странная игра: ловили женщин и клали в короба. Наверное, что-то может быть об этом в «Золотой ветви»^[14]. По-видимому, это старинный обычай, и у всех жнецов есть обычай в таком роде. Неграмотные или почти неграмотные приносили мне и другим «ученым» свои расчетные книжки, чтобы проверить правильность расчетов, и иногда платили за это парой медяков. Я обнаружил, что кассиры фермы нередко делают ошибки в сложении – и непременно в пользу фермы. Сборщики, конечно, получали причитающееся, когда жаловались, но, если соглашались с подсчетами кассиров, оставались в накладе. Кроме того, у фермы было подленькое правило: если хочешь оспорить расчет, то должен ждать, пока не рассчитаются со всеми остальными. Это означало ждать до второй половины дня, а некоторым надо было успеть на автобус домой, и они не получали положенного. (Конечно, в большинстве случаев речь шла о нескольких пенсах. Но одной женщине недоплатили больше фунта.)

Мы с Рыжим собрали пожитки и отправились в Уотерингбери, чтобы сесть в поезд со сборщиками хмеля. По дороге остановились, чтобы купить табак, и, прощаясь с Кентом, Рыжий очень ловким приемом обманул продавщицу на четыре пенса. Когда мы пришли на

¹¹ Фартинг – четверть пенса. – *Прим. пер.*

станцию, там уже ждали поезда человек пятьдесят сборщиков, и первым, кого мы увидели, был наш Глухой – он сидел на траве, расстелив на ногах газету. Он отвел ее в сторону, и мы увидели, что сидит он со спущенными штанами и показывает проходящим женщинам и детям член. Я был удивлен – такой все-таки приличный старик; но редко встретишь бродягу без какого-нибудь сексуального извращения. Поезд сборщиков хмеля стоил на девять пенсов дешевле обычного и вез нас в Лондон – тридцать миль – почти пять часов. Около десяти вечера сборщики высыпали из вагонов на вокзале Лондон-бридж, многие пьяные, все с пучками хмеля; люди на улице охотно покупали их, не понимая зачем. Глухой, ехавший в одном вагоне с нами, пригласил нас в ближайший паб и поставил каждому по пинте – первое мое пиво за три недели. Потом он пошел в Хаммерсмит и, без сомнения, будет бродяжничать до сезона сбора фруктов в следующем году.

Разобравшись с нашими расчетными книжками, мы с Рыжим установили, что за 18 дней заработали всего по 26 шиллингов. По 8 шиллингов мы получили авансом («кормовых», как их называют) и заработали еще по шесть продажей краденых яблок. После покупки билетов до Лондона у обоих осталось примерно по 16 шиллингов. Так что и в Кенте мы себя прокормили, и вернулись не с пустыми карманами. Но удалось это только потому, что во всем себя ограничивали.

19.9.31–8.10.31

Мы с Рыжим пошли в ночлежку на Тули-стрит, хозяйин ее, Лу Ливи, держит еще одну на Вестминстер-Бридж-роуд. Стоит всего семь пенсов за ночь, и за семь пенсов в Лондоне лучшей, возможно, не найти. В постелях клопы, но немного, в кухнях, пусть темных и грязных, достаточно плит и горячей воды. Жильцы были из самых низов – по большей части неквалифицированные рабочие-ирландцы, притом безработные. Среди них попадались занятные типы. Один – ему было шестьдесят восемь лет – таскал ящики с рыбой (они весят сто фунтов) на Биллингсгейтском рынке. Он интересовался политикой и рассказал мне, что участвовал в беспорядках Кровавого воскресенья 88 года^[15] и в тот же день был принят на должность временного констебля. Другой старик, продавец цветов, был сумасшедший. По большей части он вел себя совершенно нормально, но во время припадков ходил взад-вперед по кухне, издавая жуткие звериные крики с выражением муки на лице. Интересно, что припадки у него случались только в дождливую погоду. Еще один был вором. Он крал с прилавков в магазинах и из автомобилей на стоянках, особенно из машин коммивояжеров, и продавал украденное еврею на улице Кат в Ламбете. Каждый вечер можно было наблюдать, как он прихорашивается перед походом «на Запад». Он сказал мне, что может рассчитывать на £2 в неделю, а время от времени и на большую поживу. Он умудрялся подчистить кассу какой-нибудь пивной почти каждое Рождество и уносил 40–50 фунтов. Воровал он уже много лет, а попался всего раз – и то был отпущен под честное слово. Как всегда, по-видимому, у воров, труд его приносил ему мало пользы: большую добычу он немедленно спускал. Лицо у него было гнусное, такие мне редко встречались, как у гиены; при этом он располагал к себе, всегда готов был поделиться едой, всегда расплачивался с долгами.

Несколько раз по утрам мы с Рыжим помогали грузчикам на Биллингсгейте^[16]. Приходите туда к пяти утрам и стоите на углу одной из улиц, ведущих от Биллингсгейта к Истчипу. Когда у грузчика начинаются на подъеме трудности с тележкой, он кричит: «В гору!» – вы подбегае (тут, конечно, большая конкуренция) и толкаете тележку сзади. Плата – «два пенса за подъем». Если надо везти четыреста фунтов, такой толкатель нужен; рукам и ногам достается как следует, но по-настоящему устать не успеваешь, потому что такой работы немного. Пробыв там с пяти до полудня, я ни разу не зарабатывал больше шиллинга и шести пенсов. Если повезет, грузчик берет тебя на день постоянным помощником, и тогда получаешь четыре

шиллинга и шесть пенсов за утро. Сами грузчики, по-видимому, зарабатывают в неделю от £4 до £5. О Биллингсгейте надо заметить следующее. Во-первых, из-за того, что нет централизованной транспортной системы, делается огромное количество совершенно ненужной работы. Доставка тонны рыбы с рынка на железнодорожные станции грузчиками, тачечниками и их помощниками обходится приблизительно в £1. Если бы это делалось организованно, на грузовиках, то стоило бы, думаю, несколько шиллингов. Во-вторых, пивные на Биллингсгейте открыты в такие часы, когда другие пивные не работают. И наконец, грузчики на рынке торгуют краденой рыбой, если знаешь кого-нибудь из них, можно купить ее за гроши.

Проведя в ночлежке недели две, я спохватился, что ничего не пишу и сама она стала действовать мне на нервы: шум, невозможность побыть одному, духота и жара в кухне, а главное – грязь. В кухне стояла сладковатая рыбная вонь, раковины полны протухших рыбьих потрохов и страшно смердят. Еду приходится хранить в темных углах, населенных черными жуками и тараканами, всюду тучи мерзких ленивых мух. Спальня тоже была отвратительна – несмолкающий кашель и харканье, у всех в ночлежке хронический кашель (несомненно, из-за плохого воздуха). Мне надо было написать несколько статей, но в таких условиях это было невозможно – я написал домой, чтобы прислали денег, и снял комнату на Виндзор-стрит, поблизости от Харроу-роуд. Рыжий снова отправился странствовать. Большая часть этого повествования написана в библиотеке района Бермондси, там хорошая читальня и было недалеко от ночлежки.

Дорога на Уиган-Пирс Дневник 31 января 1936 – 25 марта 1936

Второго декабря 1943 года Оруэлл принял участие в трансатлантической радиопередаче «Отвечаем на ваши вопросы». Его спросили об Уиган-Пирсе. Вот его ответ:

Боюсь, я должен сказать вам, что Уиган-Пирс не существует. Я специально поехал, чтобы увидеть его, в 1936 году – и не смог его найти. Но когда-то он существовал и, судя по фотографиям, длиной был около двадцати футов.

Уиган расположен посреди горнопромышленного района, и, хотя в некоторых отношениях это очень приятное место, живописным его не назовешь. Пейзаж его – терриконы, подобные горам на Луне, грязь, сажа и т. д. Уиган ничем не хуже полусотни других мест, но почему-то его всегда клеймят как символ уродства индустриальной зоны. Когда-то на одном из илистых каналов, что проходят через город, была ветхая деревянная пристань; кто-то в шутку назвал ее Уиган-Пирсом. Шутка разошлась по городу, ее подхватили комики мюзик-холлов, и благодаря им Уиган-Пирс стал притчей во языцех, хотя сам причал был давно разрушен (CW, XVI, p. 11).

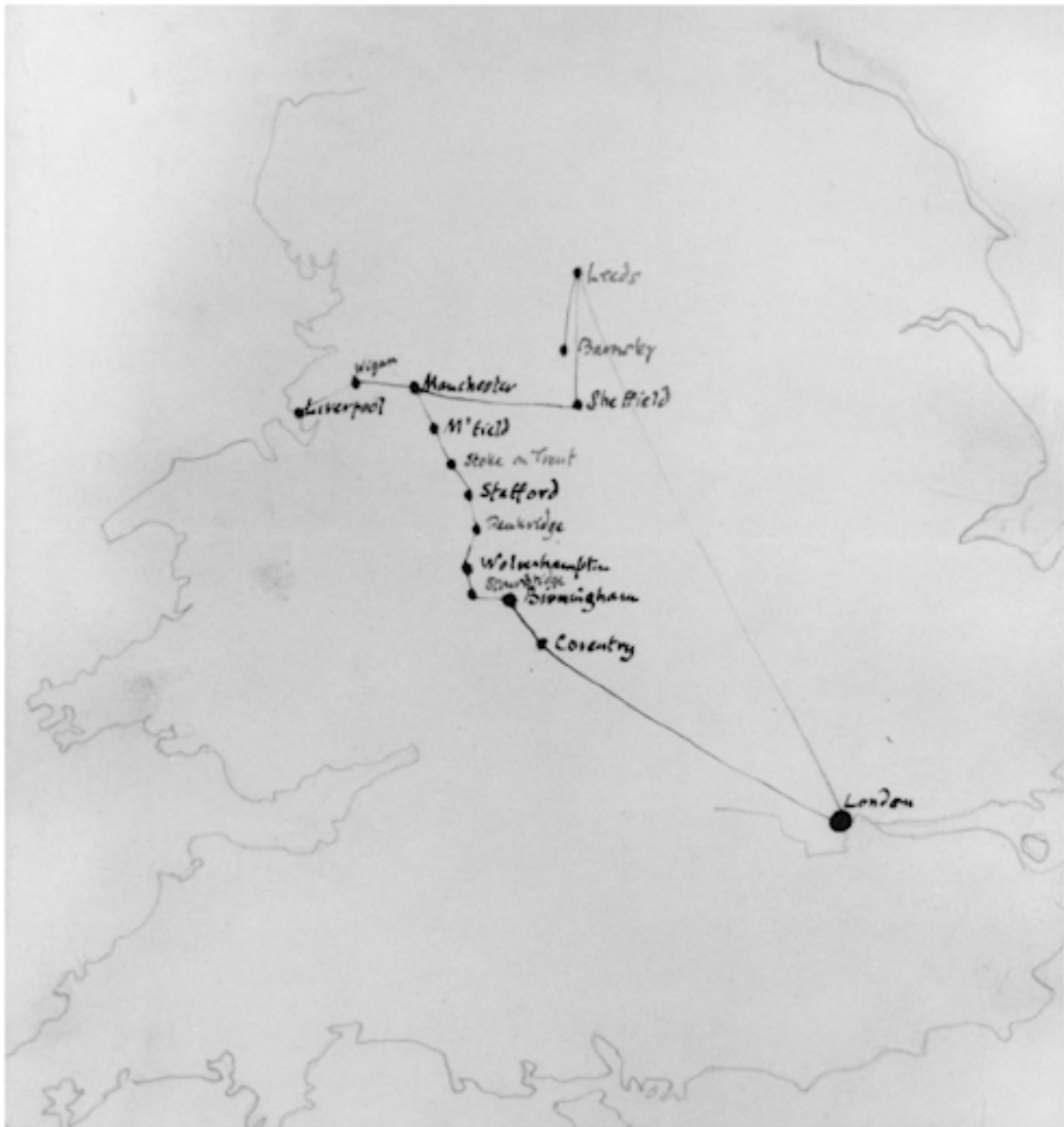
Дневник

31 января 1936 – 25 марта 1936

Оруэлл написал несколько вариантов будущей книги «Фунты лиха в Париже и Лондоне», поменяв порядок событий (первоначально лондонская часть предшествовала парижской); в результате книгу отвергли издательство «Джонатан Кейп» и Т. С. Элиот, главный редактор издательства «Фейбер и Фейбер» (так же, как впоследствии оба отвергнут «Скотный двор»). Оруэлл отказался от дальнейших попыток. Однако его приятельница миссис Синклер Фирз послала рукопись человеку, который станет в дальнейшем литературным агентом Оруэлла, – Леонарду Муру из агентства «Кристи и Мур». Мур убедил Виктора Голланца издать книгу. Оруэлл хотел опубликовать ее анонимно, во-первых, потому, что его экскурсия «на дно» могла расстроить родителей, а во-вторых, как он признался своему другу сэру Ричарду Ризу (редактору журнала «Адельфи», с которым сотрудничал), он испытывал суеверный страх, что, если его настоящее имя появится в печати, какой-нибудь враг может «навести на него порчу». Но Голланц очень хотел, чтобы автор был указан, и в конце концов Оруэлл предложил несколько имен, среди них – «Джордж Оруэлл». В некоторых других ситуациях и для друзей он останется Эриком Блэром, но с этого времени его сочинения, кроме некоторых текстов для Би-би-си, будут выходить под именем «Джордж Оруэлл». «Фунты лиха в Париже и Лондоне» Голланц выпустил 9 января 1933 года, и через шесть месяцев книга вышла в Нью-Йорке.

С апреля 1932 года по июль 1933-го Оруэлл преподавал в частной школе для мальчиков 11–16 лет «Готорнс» в Хэйсе, Мидлсекс. К Рождеству 1932 года он написал для учеников пьесу «Карл II». Осенью 1933 года он преподавал в школе чуть получше – в колледже «Фрейз». Но в декабре заболел пневмонией и оставил преподавание. С января по октябрь 1934 года он жил с родителями в Саутуолде. «Дни в Бирме» сначала были опубликованы в Нью-Йорке (25 октября 1934 года), а затем – с изменениями, чтобы застраховать автора от обвинений в клевете, – Виктором Голланцем 24 июня 1935 года. В Саутуолде он написал «Дочь священника» (издана 11 марта 1935 года и в Нью-Йорке 17 августа 1936-го). С октября 1934 года до января 1936-го Оруэлл работал на неполной ставке продавцом книжного магазина в Хэмпстеде. За это время он написал «Да здравствует фикус!», где герой, начинающий поэт, работает в книжном магазине.

Оруэлл отправился в Уиган 31 января 1936 года; в тот же день он сделал первую запись в дневнике и написал Виктору Голланцу. Юрист Голланца Гарольд Рубинстайн (тоже писатель, драматург и критик) желал удостовериться, что рекламное объявление, данное Оруэллом в «Да здравствует фикус!», не было «основано ни на каком реальном или узнаваемом объявлении». Заверив его в этом, Оруэлл ошибочно заключил, что все возможные вопросы относительно клеветы или диффамации решены и можно отправлять книгу в набор, а самому ему – заняться следующей работой: изучить, по предложению Голланца, условия жизни в так называемом «районе экономического бедствия» на севере Англии. По недоразумению считалось, что Оруэллу было выдано авансом £500 для поездки на север. Как установлено теперь, это предположение было ошибкой. Кроме того, оно находится в противоречии с тем общеизвестным фактом, что Голланц никогда не выдавал своим авторам крупных авансов.

Нарисованная Оруэллом эскизная карта его путешествия на север

Его нищенское существование во время этой экспедиции свидетельствует о том, что финансовой поддержки у него почти не было. Недавно Дж. Д. Тейлор установил, что даже 29 октября 1936 года Виктор Голланц в письме литературному агенту Оруэлла Леонарду Муру утверждал, что не знает, над чем работает Оруэлл. А Оруэлл к этому времени почти закончил книгу «Дорога на Уиган-Пирс».

В работе над книгой Оруэлл использовал свои дневники, но, кроме того, изучал значительное количество источников – многие из этих документов сохранились. Репринты этих материалов и другие данные можно найти в 10-м томе Полного собрания сочинений Оруэлла (CW, X, pp. 538–584). Возможно, Оруэлл печатал дневник, будучи на севере: при нем была машинка, на которой он писал письма. Машинопись дневника состоит из двух частей с отдельной нумерацией (с. 1–36 – с 31 января по 5 марта включительно; с. 1–25 с заглавием «Дневник» – за оставшийся период). Так что напечатан дневник, по крайней мере его вторая часть, возможно, был позже, и возможно, что часть исходного – рукописного – текста перепечатала жена Оруэлла Эйлин. В машинописном варианте есть изменения по сравнению с рукописью; здесь отмечены лишь самые существенные. Мелкие ошибки исправлены без комментариев.

Оруэлл приводит детали своих расходов по дороге на север и во время пребывания там. Даются они, конечно, в «старых деньгах», когда цены были гораздо ниже сегодняшних. Для удобства: в шиллинге было 12 пенсов, в фунте – 20 шиллингов (т. е. фунт равнялся 240 пенсам). Два полпенни составляли пенс, фартинг равнялся четверти пенса. Дать сегодняшний эквивалент ценам 1936 года (т. е. спустя семьдесят лет) трудно, но в грубом приближении тогдашние цены можно умножить на 40. Однако надо иметь в виду, что это лишь оценка в среднем: на некоторые товары цены выросли многократно больше, чем в сорок раз, а на некоторые – меньше.

Примечания либо следуют за днем, к которому они относятся, либо включены в удобное место дневниковой записи этого дня. Примечания Оруэлла отмечены символами (которыми пользовался он сам); примечания составителя – цифрами.

31.1.36

Поездом в Ковентри, по плану. Пансион «ночлег и завтрак», паршивый, 3 ш. 6 п. В холле сертификат в рамке, удостоверяющий, что (Джон Смит) удостоен ранга Primo Buffo^[17]. В комнате две кровати; одному за комнату – 5 ш. Запах, как в обычных ночлежках. Слабоумная служанка с громадным телом, маленькой головой и валиками жира на затылке, странно напоминающими ветчину.

1.2.36

Паршивый завтрак с йоркширским коммивояжером. Прошел 12 миль до окраины Бирмингема; сел в автобус до Булл-Ринга (очень похож на рынок в Норидже), приехал в час дня. Ланч в Бирмингеме и автобусом до Стоурбриджа. Прошел 4–5 миль до молодежного хостела в Кленге. Почва везде красная. Яркие зяблики, снегири и самцы куропаток тихонько токуют. Кроме деревни Мериден^[18], между Ковентри и Бирмингемом редко увидишь приличный дом. К западу от Бирмингема на холмах обычная деревенская цивилизация. Весь день то и дело дождь.

Пройдено 16 миль. Расходы на транспорт 1 ш. 4 п. На еду 2 ш. 3 п.

2.2.36

Уютная ночевка в хостеле, я один на весь дом. Одноэтажное здание с огромной коксовой печью жарко натоплено. Плата – 1 ш. за кровать, 2 п. – за печь, пенсы в газовый счетчик за готовку. В хостеле продается хлеб, молоко и т. д. Нужен свой спальный мешок, но одеяла, матрас и подушки выдаются. Утомительный вечер: пришел сын коменданта и, вероятно, из любезности предложил сыграть в пинг-понг – под конец я едва держался на ногах. Утром долгий разговор с комендантом: держит домашнюю птицу, коллекционирует стеклянную и оловянную посуду. Рассказал, как во Франции, в 1918 году, двигаясь за отступавшими немцами, наградил ценнейшего стекла, но оно было обнаружено и, в свою очередь, отнято дивизионным генералом. Показал мне очень интересные японские картинки с явными следами европейского влияния – отцовские трофеи какой-то морской экспедиции года 1860-го.

В 10 утра отправился пешком до Стоурбриджа, сел в автобус до Вулверхемптона, бродил по местным трущобам, поел и прошел 10 миль до Пенкриджа. Вулверхемптон кажется страшноватым местом. Панорамы убогих домишек, все еще окутанных ползучим дымом, хотя день воскресный, а вдоль железной дороги громадные валы глины и конические дымоходы – вереницы «гончарных труб»^[19]. Пешком от Вулверхемптона до Пенкриджа, утомительно, всю

дорогу под дождем. Обычная цивилизация коттеджей, почти непрерывно тянувшихся от одного города до другого. В Пенкридже около 4.30 остановился, чтобы выпить чая. Душное маленькое кафе с хорошим камином. Маленький морщинистый пожилой мужчина и необъятная женщина лет 45 с короткой стрижкой цвета пакли и без передних зубов. Оба сочли меня героем, если хожу в такую погоду. Пил с ними чай en famille¹². В четверть шестого вышел, прошел мили две и оставшиеся четыре до Стаффорда проехал в автобусе. Пошел в гостиницу для непьющих, думая, что будет дешево, но ночлег и завтрак – 5 ш. Обычная жуткая комната, саржевые простыни, сероватые, как обычно, и с запашком. Пошел в ванную – там коммивояжер проявляет в ванне снимки. Убедил его убрать их и помылся, после чего обнаружил, что сильно стер ноги.

Пройдено около 16 миль. На транспорт потрачено 1 ш. 5 п., на еду 2 ш. 8½ п.

3.2.36

Вышел в 9 утра, автобусом до Хенли. Обошел Хенли и часть Берслема. Жуткий холод, резкий ветер, ночью выпал снег; почернелый снег лежит почти повсюду. Хенли и Берлем – из самых ужасных мест, какие мне доводилось видеть. Лабиринты маленьких закопченных домов, и среди них торчат из земли, извергая дым, гончарные трубы, похожие на огромные бутылки бургундского. Повсюду признаки нищеты и убогие лавчонки. Местами рукотворные пропасти, одна ярдов 200 шириной и примерно такой же глубины, с ржавыми вагонетками канатного подъемника на одном склоне, а на другом, почти отвесном, как сборщики морского укропа, несколько рабочих с кирками как будто бесцельно долбят стену, добывая глину. Дошел до Элдона, поел в пабе. Жуткий холод. Холмистая местность, великолепные виды, особенно когда уходишь восточнее и живые изгороди сменяются каменными стенками. Барашки выглядят более чахлыми, чем на севере. Дошел до озера Редьярд^[20].

Озеро Редьярд (на самом деле водохранилище, питающее города гончаров) наводило уныние. Летом это курорт. Через каждые десять ярдов – жилые баржи и прогулочные лодки, все пустые, засиженные мухами: мертвый сезон. Объявления насчет рыбной ловли; но я пригляделся к воде, и похоже, что рыба здесь не водится. Ни души кругом, и пронизывающий ветер. Взломанный лед прибило к южному берегу, льдины качаются на волнах и позвякивают – более тоскливого звука не слышал. (Памятка: когда-нибудь вставить в роман, что среди льдин качается пустая пачка сигарет «Крейвен-А».)

¹² По-семейному (фр.). – Прим. пер.

Хостел (ныне «Клифф-парк-холл», частный дом на озере Редьярд), где Оруэлл остановился 3 февраля 1936 года. Дом был построен около 1811 года и в 1933–1969 годах служил общежитием для молодежи. Он мог вместить сорок шесть мужчин и двадцать женщин

С трудом нашел хостел, милей дальше. Опять один в комнате. Любопытнейший дом. Большое, мрачное, насквозь продуваемое здание, построенное около 1860 года по чьей-то прихоти в виде замка. Все комнаты, кроме трех или четырех, пустуют. Мили гулких каменных коридоров, никакого освещения, кроме свечей; готовят на коптящих керосинках. Страшный холод.

Осталось всего 2 ш. 8 п., так что завтра надо в Манчестер (пешком до Маклсфилда, оттуда автобусом), чтобы обналичить чек.

Пройдено 12 миль. Потрачено на транспорт 1 ш. 8 п., на еду 2 ш. 8 п.

4.2.36

Вылез из постели в таком холоде, что не мог попасть пуговицами в петли, пришлось сойти вниз и отогреть руки, чтобы одеться. Вышел около 10:30. Земля замерзла, как железо, ни ветерка, ярко светит солнце. Ни одной живой души. Озеро Редьярд замерзло за ночь. Дикие утки безутешно ходят по льду. Солнце поднимается, косыми красно-золотыми лучами заливают лед, ничего красивее не видел. Долго запускал камешки по льду. Зазубренный камень, скользя по льду, издает звук, в точности похожий на свист травника.

Прошагал 10 или 11 миль до Маклсфилда, оттуда автобусом в Манчестер. Сходил забрал письма, затем в банк, обналичить чек, но оказалось – закрыт: закрываются в 3 часа. Очень некстати: на руках у меня всего 3 п. Отправился в управление молодежных гостиниц, попросил их обналичить чек, но они отказались, затем в полицейский участок, попросил свести меня со стряпчим, чтобы он обналичил чек, – тоже отказали. Страшный холод. На улицах безобразные черные груды – окаменевший снег, покрытый сажей. Не хотелось бы провести ночь на улице. Добрался до бедного квартала (Честер-стрит), зашел в ломбард, хотел заложить дождевик, но

сказали, что их больше не берут. Тогда сообразил, что могу заложить шарф, дали 1 ш. 11 п. Пошел в ночлежный дом – на Честер-стрит их было три, почти рядом.

Длинное письмо от Риза с советами, с кем встретиться и о чем поговорить – один, к счастью, в Манчестере.

Пройдено около 13 миль. Потрачено на транспорт 2 ш., на еду 10 п.

5.2.36

Пошел встретиться с Мидом^[21], но его не было на месте. Провел день в ночлежном доме. Похож на лондонские, 11 п. за кровать, отдельные спаленки вместо общих. «Заместитель» – калека, как это часто бывает. Отвратительный метод заваривать чай в жестяных чашках. Утром обнаружил чек, но останусь в ночлежке, чтобы завтра утром увидеться с Мидом.

6–10.2.36

Остановился у Мидов на Бринтон-роуд, 49, Лонгсайт, Манчестер. Бринтон-роуд – район новостроек. Очень приличные дома с ванными и электричеством, квартирная плата, полагаю, 12–14 ш. Мид занимает какую-то должность в профсоюзе и участвует в редактировании «Лейборс нордерн войс» – эти люди связаны с изданием «Адельфи». Миды очень мило ко мне отнеслись. Оба из рабочего класса, с ланкаширским выговором, в детстве ходили в деревянных башмаках, но атмосфера в доме типичная для среднего класса. В который раз поражаюсь тому, что стоит рабочему человеку получить официальную должность в профсоюзе или включиться в политику лейбористов, как он, желая того или нет, приобщается к среднему классу, т. е., борясь с буржуазией, сам становится буржуазным. Твой образ жизни и твоя идеология неизбежно изменяются в соответствии с твоим доходом (в случае с М., полагаю, около £4 в неделю). Единственный спор у меня с Мидами – из-за того, что они называют меня «товарищ». Миссис Мид, как и следовало ожидать, не очень разбирается в политике, но, как положено жене, усвоила взгляды мужа. Она произносит слово «товарищ» с явной неловкостью. Меня поражает, насколько отличаются манеры здесь, на севере. Миссис М. с удивлением и даже неодобрением относится к тому, что я встаю, когда она входит в комнату, что вызываюсь помыть посуду и т. д. Она говорит: «Мальчишков положено обслуживать».

М. послал меня в другой конец Уигана встретиться с Джо Кеннаном^[22], электриком, видным деятелем социалистического движения. Кеннан тоже живет в приличном корпоративном доме (жилой комплекс Бич-хилл), но в нем гораздо больше осталось от рабочего. Очень невысокий, плотный, сильный человек, необыкновенно вежливый и гостеприимный, всячески хочет помочь. Его старший ребенок лежит наверху в постели (подозревают скарлатину), младший играет на полу с солдатиками и пушкой. Кеннан с улыбкой говорит: «Видите – а я считаю себя пацифистом». Он направил меня в помещение N. U. W. M.^[23] с письмом секретарю, чтобы тот помог мне найти жилье в Уигане. Помещение это – страшная маленькая развалина, но дар небес для безработных: там тепло, газеты и т. д. Секретарь Падди Грейди – безработный шахтер. Высокий, худой человек лет 35, интеллигентный, хорошо информированный, горячо желает помочь. Холостяк, получает 17 ш. в неделю, физически в ужасной форме из-за многолетнего недоедания и отсутствия работы. Передние зубы почти все гнилые. В N. U. W. M. люди очень дружелюбны и, как только узнают, что я писатель и собираю факты об условиях жизни рабочих, стремятся снабдить меня информацией. Но не могу заставить их относиться ко мне как к совершенно равному. Обращаются ко мне либо «сэр», либо «товарищ».

11.2.36

Остановился на Уоррингтон-лейн, 72, в Уигане^[24]. Питание и жилье – 25 ш. в неделю. Делю комнату с другим жильцом (безработным железнодорожником), едим на кухне, моемся в раковине, в судомойне. Еда сносная, но неудобоваримая и в громадных количествах. Ланкаширский способ употреблять рубец (холодным, с уксусом) ужасен.

Семья. Мистер Хорнби, 39 лет, работал в шахте с 13 лет. Сейчас девять месяцев без работы. Крупный, светловолосый, неторопливый в движениях, очень мягкий, воспитанный человек; если задаешь ему вопрос, всегда думает, прежде чем ответить; начинает так: «По моему рассуждению...» Местный выговор мало заметен. Десять лет назад ему в левый глаз ударила струя угольной пыли и глаз практически ослеп. Его перевели на работу «наверху», но через какое-то время он снова спустился в шахту: там выше заработок. Девять месяцев назад начались неприятности с другим глазом (есть какое-то заболевание «ниастигм»^[25] или что-то в этом роде, распространенное у шахтеров), и теперь он видит не дальше нескольких ярдов. Получает «компенсацию», 29 ш. в неделю, но уже говорят о переводе его на «частичную компенсацию» – 14 ш. в неделю. Зависит от того, признает ли его врач годным для работы, хотя работы, конечно, не будет – может быть, «наверху», но и такой мало. Если переведут на частичную компенсацию, может получать пособие, пока не кончатся продовольственные талоны.

Миссис Хорнби. На четыре года старше мужа. Ростом меньше пяти футов. Фигурой напоминает пивную кружку. Жизнерадостная. Очень невежественна, складывает 27 и 10, получается 31. Сильный акцент. Здесь, кажется, с определенным артиклем the обходятся двояко. Перед согласными его зачастую вообще опускают, а с гласными – присоединяют одним звуком к самому слову.

Сыну, «нашему Джо», только что исполнилось 15, и уже год работает в шахте. Сейчас – в ночную смену. Уходит на работу в 9 вечера, возвращается между семью и восемь утра, завтракает и ложится в постель, которую освободил другой жилец. Обычно спит до пяти или шести вечера. Начиная работать за 2 ш. 8 п. в день, прибавили до 3 ш. 4 п. – до фунта в неделю. Из них удерживаются (страховка и пр.) 1 ш. 8 п. в неделю, 4 п. – трамвай, на работу и обратно. Итого 16 ш. 4 п. – заработок за полную рабочую неделю. Летом, однако, будет неполное рабочее время. Довольно высокий, худой, мертвенно-бледный юноша, явно измотан работой, но в общем, кажется, доволен.

Том, двоюродный брат миссис Хорнби, холостяк, тоже снимает у них жилье – платит 25 ш. в неделю. Очень волосатый, с заячьей губой, человек тихий и недалекий. Тоже работает в ночную смену.

Джо, еще один жилец, холостой. Безработный, пособие – 17 ш. в неделю. Платит за жилье 6 ш. в неделю, питается самостоятельно. Встает в 8, чтобы уступить кровать «нашему Джо», и почти на весь день уходит из дому – в публичную библиотеку и т. д. Немного дурак, но какое-то образование получил и любит выражаться пышно. Объясняя, почему не женился, с важностью произносит: «Матримониальные цепи – дело ответственное». Повторял это несколько раз, видимо, формула ему нравится. Полностью безработный 7 лет. Выпивает, когда представится случай (теперь, конечно, такого не бывает).

В доме на первом этаже две комнаты и кухня, на втором – три комнаты; крохотный дворик сзади, и там уборная. Горячая вода не подведена. Дом запущен, фасадную стену вспучило. Арендная плата – 12 ш., с коммунальным налогом – 14 ш. Общий доход семьи Хорнби:

[26]

Компенсация м-ра Хорнби	29 ш. в неделю
Заработок Джо	16 ш. 4 п. в неделю
Том платит	25 ш. в неделю
Джо платит	6 ш. в неделю
Итого	3 ф. 16 ш. 4 п. ¹⁰

После платы за аренду и коммунального налога остается 3 ф. 16 ш. 4 п. На эти деньги надо кормить и одевать четырех человек и другие расходы на троих¹³. Сейчас и я вношу, но это временное.

Уиган в центре выглядит не так плохо, как изображают, определенно не так угнетающе, как Манчестер. Пирс в Уигане, говорят, разобран. Башмаки на деревянной подошве здесь обычная обувь, также и в меньших городах вокруг, вроде Хиндли. Женщины постарше обычно носят на голове платок, а молодые, видимо, только из-за крайней бедности. Почти все одеты очень плохо, молодежь на углах не такая бойкая и шумная, как в Лондоне; очень заметных признаков бедности не видно – только некоторое количество закрытых магазинов. Говорят, что каждый третий зарегистрированный рабочий – безработный.

Вчера вечером в зале кооперативного общества с разными людьми из N. U. W. M. слушал выступление Уола Ханнинтона²⁷¹. Плохой оратор, многословие, все клише социалистических ораторов и неубедительный акцент кокни (и тут тоже: коммунист, вполне обуржуазившийся), но слушателей порядком завел. Шумное одобрение, когда он объявил, что, если у Англии с СССР начнется война, СССР победит. Публика несдержанная и очевидно безработная (1 из 10 – женщины), но весьма внимательная. После речи сбор денег на аренду зала и железнодорожные билеты X. из Лондона и обратно. Собрали 1 ф. 6 ш. – неплохо, с двухсот безработных.

Шахтера всегда можно узнать по синему следу въевшейся угольной пыли на переносице. У некоторых людей постарше на лбу синие узоры, как у сыра «Рокфор».

Собранные 1 ф. 6 ш., т. е. 312 п., с аудитории около двухсот человек – это примерно полтора пенса с человека в среднем.

12.2.36

Ужасный холод. Долго шел вдоль канала (где когда-то был пирс) к каким-то холмам шлака. Страшный пейзаж – кучи шлака и трубы, извергающие дым. Некоторые кучи почти как горы, одна прямо Стромболи. Резкий ветер. Послали пароход, чтобы взломал лед перед баржами с углем. Матросы на баржах закутаны до глаз. Все «пруды» (залитые водой места, где осела почва над заброшенными шахтами) затянуты льдом цвета умбры. Ледяные бороды на шлюзовых воротах. По снегу медленно пробежали несколько крыс – смиренные: видно, ослабели от голода.

13.2.36

Жилищные условия в Уигане ужасны. Миссис X. рассказывает мне, что в доме у ее брата (ему только 25, так что, думаю, единокровный, но у него уже ребенок 8 лет) в четырех комнатах – «2 наверху, 2 внизу» – живут три семьи, 11 человек, из них 5 взрослых.

¹³ Семья X. зажиточна по здешним меркам. [Приписано рукой Оруэлла.]

Со всеми шахтерами, с которыми я знакомился, происходили несчастные случаи – либо с ними самими, либо с их родственниками и друзьями. Двоюродному брату миссис Хорнби глыба угля сломала позвоночник («И он протянул еще семь лет, все время в мучениях»), а ее зять упал в новую шахту глубиной в 1200 футов. По-видимому, он бился о стены и на дно упал уже мертвым. Миссис Х. добавляет: «Его и не собрали бы, если бы не новый клеенчатый костюм на нем».

15.2.36

Ходил со сборщиками N. U. W. M., чтобы узнавать факты о жилищных условиях, прежде всего в жилых прицепах. Делал заметки, Q. V.^[28] Больше всего бросалось в глаза выражение на лицах некоторых женщин, особенно в перенаселенных автоприцепах. У одной было лицо, как череп. Вид непереносимой нищеты и упадка. Я еще подумал, что самочувствие у нее такое, какое было бы у меня, если бы я с ног до головы был выпачкан навозом. Но все эти люди, казалось, принимают свои условия жизни как данность. Им снова и снова обещали жилье, но все напрасно, и они пришли к убеждению, что пригодный для жизни дом есть нечто недостижимое.

Проходя по кошмарному грязному проулку, увидел женщину, молодую, но очень бледную, выпачканную, как обычно, изнуренного вида. Она стояла на коленях перед сточной канавой и ковыряла палкой в засорившейся свинцовой сточной трубе. Я подумал: какая страшная судьба – стоять на коленях перед канавой в переулке Уигана, в лютый холод, и тыкать палкой в засорившийся сток. В этот момент она подняла голову перехватила мой взгляд; такой тоски в глазах я никогда не видел, и мне пришло в голову, что она думает о том же, о чем и я.

Эту запись Оруэлл развил в «Дороге на Уиган-Пирс»:

Поезд вез меня по чудовищному ландшафту терриконов, труб, груд железного лома, грязных каналов шлаковой грязи, исчерченной следами деревянных башмаков. Был март, но погода страшно холодная и повсюду кучи почернелого снега. Медленно катясь по окраине города, мы миновали ряд за рядом маленьких убогих домов, выстроившихся перпендикулярно к полотну. Позади одного дома молодая женщина, стоя на коленях, прочищала палкой засорившуюся свинцовую сливную трубу от раковины в доме. Я успел ее разглядеть: фартук из дерюги, грубые деревянные башмаки, красные от холода руки. Она посмотрела на поезд, и я был так близко, что чуть ли не встретился с ней взглядом. У нее было круглое бледное лицо, обычное усталое лицо женщины из трущоб, в двадцать пять лет выглядящей на сорок из-за выкидышей и беспросветного труда, и за ту секунду, что оно мелькнуло передо мной, я успел разглядеть выражение такой безысходности, какой мне еще не случалось видеть. И мне пришло в голову, что мы ошибаемся, говоря: «Для них это не то же самое, что было бы для нас», – что люди, выросшие в трущобах, не представляют себе ничего иного, чем трущобы. То, что я увидел в ее лице, не было бессловесным страданием животного. Она сознавала, что с ней происходит, понимала не хуже меня, как ужасен ее удел – стоять на коленях в лютый холод на оклизлых камнях трущобного двора и тыкать палкой в вонючий сток.

Но вскоре поезд вырвался на открытую местность и ощущение было такое странное, почти фантастическое, как будто ты вдруг очутился в парке^[29].

Меняю жилье, потому что миссис Х. с непонятной болезнью положили в больницу. Мне подыскали жилье на Дарлингтон-роуд, 22, над лавкой, торгующей требухой; там берут жильцов^[30]. Муж – бывший шахтер (58 лет), жена – сердечница, лежит на диване в кухне. Атмосфера в доме почти такая же, как у Х., но дом заметно грязнее и с сильными запахами. Несколько жильцов. Старик, бывший шахтер лет семидесяти пяти, пенсия по старости плюс полкроны в неделю от района (итого 12 ш. 6 п). Еще один, по рассказам, из чистой публики, но «скатился по социальной лестнице», более или менее прикован к постели. Бывший шахтер-ирлан-

дец, которому сломал лопатку и несколько ребер обрушившийся камень, живет на пенсию по инвалидности, около 25 ш. в неделю. Тоже из чистой публики – начинал клерком, но «спустился в забой», потому что был крупным и сильным и под землей мог зарабатывать больше (это было до войны). Еще газетные агенты – два из «Джона Булля»^[31], явно траченные молью, лет 40 и 50, и один молодой, четыре года проработавший в каучуковой компании в Калькутте. В этом парне не совсем могу разобраться. Когда говорит с другими, пускает в ход ланкаширский выговор (он из здешних мест), а со мной разговаривает обыкновенно, как образованный человек. В семье, помимо самих Форрестов, толстый сын – он где-то работает и живет неподалеку, – его жена Мэгги, целый день работает в лавке, двое их детей и еще Энни, невеста другого сына, который в Лондоне. И наконец, дочь в Канаде. Мэгги и Энни делают практически всю работу по дому и в лавке. Энни очень худая, переутомленная (работает еще и в женском ателье), явно несчастлива. Чувствую, что женитьба – дело отнюдь не решенное; тем не менее миссис Ф. обращается с Энни как с невесткой, и Энни стонет от ее тиранства. Комнат в доме, не считая лавки, 5 или 6 и ванная, совмещенная с уборной. Спят здесь девять человек. В моей комнате трое, кроме меня.

Поражаюсь здешней расточительности рабочего класса в отношении еды – кажется, большей даже, чем на юге. Как-то утром мылся в судомойне и составил опись заготовленной еды. Кусок бекона, фунтов 5. Голяшка говяжья, фунта 2. Фунта полтора печенки (все это еще не приготовлено). Развалина колоссального мясного пирога (миссис Ф. печет пирог в эмалированном тазу для мытья. То же и с пудингами). Блюдо с 15 или 20 яйцами. Пирожки. Фруктовый пай и торт (со смородиной). Обломки прошлых пирогов. Буханки: 6 больших и 12 маленьких (видел, как миссис Ф. пекла их прошлым вечером). Куски масла, томаты, открытые банки консервированного молока. Еще какая-то еда грелась в духовке на кухне. Все, кроме хлеба, оставляется ненакрытым, на полках грязь. Еда по большей части мучная. Типичное меню у Ф. Завтрак (около 8 утра): яичница из двух яиц и бекон, хлеб (без масла), чай. Обед (около 12.30): громадная тарелка тушеной говядины, пельмени, вареный картофель (порция раза в три больше, чем в «Лайонсе»^[32]) и большая порция рисового пудинга или пудинга на сале. Чай (около пяти): холодное мясо, хлеб, масло, пирожные и чай. Ужин (около 11 вечера): рыба с картошкой фри, хлеб, масло, чай.

16.2.36

Большое волнение: чета, которая жила здесь месяц в период Рождества, арестована (в Престоне) как фальшивомонетчики, и предполагается, что они делали фальшивые монеты, когда находились здесь. Полицейский инспектор пробыл здесь час, задавал вопросы. Миссис Ф. говорит, что заглядывала в их комнату, когда их не было, и нашла под матрасом кусок чего-то вроде припоя и маленькие сосуды вроде рюмок для яиц, только побольше. Миссис Ф. немедленно соглашалась со всеми соображениями инспектора, а когда он обыскивал комнату наверху, я тоже высказал два предположения, и с ними она тоже согласилась. Я видел, что она уверилась в их виновности, когда узнала, что они не женаты. Инспектор записал ее показания, и тут выяснилось, что она не умеет читать и писать (может только расписаться); муж читать кое-как может.

Кровать одного из агентов притиснута к изножью моей кровати. Не могу вытянуть ноги – если вытяну, они упрутся ему в крестец. Я давно не спал на полотняном белье. Даже у Мидов было саржевое. После того как я выехал из Лондона, их дом был единственным, где не пахло.

17.2.36

Газетные агенты довольно жалкие. Работа, конечно, тяжелейшая. Я представляю себе так, что «Джон Буль» нанимает людей, которые бьются изо всех сил, кое-как крутятся какое-то время, потом увольняет их, берет новых и т. д. Полагаю, они зарабатывают в неделю 2–3 фунта. Оба семейные, один из них – дед. Они так стеснены в деньгах, что не могут платить за пансион, платят сколько-то за комнату; у них буфетик в кухне, достают оттуда хлеб, пакетики маргарина и пр. и стыдливо сами себе готовят. На день им назначают обойти столько-то домов, они стучат в каждую дверь и оформляют заказы. Сейчас проворачивают какую-то аферу от «Джона Буля»: ты получаешь «бесплатно» чайный сервиз, если пошлешь талоны на два шиллинга и двадцать четыре купона. Поев, садятся заполнять бланки на завтра; старший в конце концов засыпает в кресле и начинает громко храпеть.

Но поражаюсь их знанию условий жизни рабочего класса. Могут все рассказать о жилищных условиях, квартирной плате, о ставках, состоянии торговли и пр. в каждом городе Северной Англии.

18.2.36

Ранним утром фабричные работницы топают деревянными подошвами по булыжным улицам с устрашающим звуком, как войско, устремившееся в бой. Кажется, это характерный звук Ланкашира. И характерный отпечаток в грязи – след железной подковы, как половины коровьего копыта. Деревянные башмаки очень дешевы. Стоят около пяти шиллингов пара и носятся годами, только подковы приходится менять, а их цена – несколько пенсов.

Как везде и всегда, типичная для этой местности одежда считается плебейской. Почтенная, но очень угнетенная женщина, которую я посетил со сборщиками пожертвований для N. U. W. M., сказала:

– Я всегда содержала себя прилично. Никогда не носила платок на голове – не показываться же людям в таком виде. Но что толку. Под Рождество нас совсем прижало, думаю: пойду-ка к благотворителям (какая-то благотворительная организация дает коробки с едой). Пришла, а этот в церкви говорит мне: «Тебе, – говорит, – благотворительность не нужна. У многих дела похуже. Сколько людей живут на одном хлебе и повидле», – говорит. «А почему вы знаете, на чем мы живем?» – говорю. «Не так уж бедно вы живете, если так хорошо одеты», – это про то, что на мне шляпа. Никакой мне помощи не дали. Пошла бы я в платке – дали бы. Вот что получаешь, когда содержишь себя прилично.

В этот день, 18 февраля, Оруэлл ответил на первое письмо от «Виктор Голланц лимитед» с просьбой внести еще изменения в «Да здравствует фикус!» ввиду опасений мистера Рубинстайна насчет клеветы и диффамации. Оруэлла все больше огорчали эти просьбы. Некоторые, должно быть, казались особенно мелочными после того, как он целый день, согнувшись, ходил по шахте и наблюдал, в каких условиях трудятся горняки. 24 февраля он написал своему агенту Леонарду Муру: «Досадую я на то, что они не потребовали этих изменений раньше. Книгу, как обычно, просмотрел юрист и одобрил... Я бы полностью переписал первую главу и внес изменения в несколько других. Но они попросили изменений, когда книга уже была в наборе, и попросили сохранить число знаков при изменениях, что невозможно сделать, не испортив целых абзацев, а в одном случае – целой главы». (До компьютерного набора выравнивание строк из гарта было трудоемким, кропотливым делом; отсюда требование заменить одни слова другими с таким же количеством знаков.)

19.2.36

Когда отвал оседает – а это происходит неизбежно, – остается горбатая поверхность, которая становится еще ухабистее во время забастовок, когда шахтеры роют ее в поисках кусков угля. Одна площадка для детских игр похожа на внезапно замерзшее бурное море. Здесь ее именуют «детским матрасом». Почва на них серая от шлака, и растет здесь какая-то бурая, гадкого вида трава.

Сегодня вечером на собрании N. U. W. M. для сбора средств в Фонд защиты Тельмана^[33]. Вход и угощение (чашка чая и мясной пирог) – 6 п. Человек 200, преимущественно женщины, большей частью члены кооперативного общества, предоставившего одно из помещений. Многие, полагаю, живут прямо или косвенно на пособия. Позади несколько пожилых шахтеров благожелательно взирают на собрание. Много очень молодых девушек. Некоторые танцуют под концертину (многие девушки признавались, что не умеют танцевать, – меня это огорчило); довольно мучительное пение. Думаю, эти люди вполне представительный подбор более революционного элемента в Уигане. Если так – помоги нам, Господи. Точно такие же овечки – глазеющие девушки, бесформенные женщины средних лет, каких видишь повсюду. *Бурливости* не осталось в Англии. Но – одна хорошая песня, пела старуха, думаю кокни, которая получает пенсию по старости и подрабатывает пением в пабах. Припев:

С нами это не пройдет,
Не пройдет это с нами;
Где-то, может, и пройдет,
Только никак не с нами^[34].

20.2.36

Сегодня днем с Падди Грейди смотрел, как безработные шахтеры обрабатывают «поезд с грязью» – добывают уголь на платформах с породой. Поразительное зрелище. Мы пошли обычным страшным маршрутом вдоль запасных путей к отвалам и по дороге встречали мужчин и женщин с мешками украденного угля на велосипедах. Хотелось бы знать, откуда у них эти велосипеды – может быть, собраны из случайных деталей, найденных на свалках. Ни на одном не было крыльев, у очень немногих – седла, а некоторые даже без шин. Когда мы подошли к отвалу, где поезда выгружают пустую породу, там человек пятьдесят копались в земле, и они направили нас дальше вдоль полотна, где люди влезают на платформы. Там было не меньше ста человек, в том числе несколько мальчиков; ждали поезда, каждый с мешком и кайлом у пояса. Наконец из-за поворота показался поезд, он идет со скоростью миль двадцать в час, мужчины бросаются к нему, хватаются за буфера, кто за что, и взбираются на платформы. Похоже, платформа считается собственностью тех, кому удалось вскочить на нее на ходу. Поезд въезжает на отвал, паровоз отцепляется и возвращается за новыми платформами. Снова такая же гонка, так же влезают люди на платформы, нескольким не удается влезть. Как только паровоз отцепился, мужчины наверху начинают сбрасывать грунт своим женщинам и другим помощникам внизу, а они быстро сортируют породу и складывают уголь (его довольно много, но мелкий, размером с яйцо) в мешок. Ниже по склону стояли люди, которым не удалось вскочить ни на первый, ни на второй поезд, они подбирали мелкие кусочки угля, скатившиеся сверху. Когда вскакиваешь на платформу, ты, конечно, не знаешь, хорошая она или нет, – это дело случая. Некоторые платформы нагружены грунтом с пола выработок, в нем довольно много угля, а другие – одной лишь сланцевой глиной. Но, кажется (об этом я прежде не слышал), в сланцевой глине,

по крайней мере из некоторых шахт, попадаетея горючий минерал, называемый кеннельским углем, довольно хорошим топливом. Коммерческой ценности он не представляет, потому что с ним трудно работать и он слишком быстро сгорает. Но для домашних нужд вполне годится. Те, кто попал на платформу со сланцевой глиной, выбирали из нее кеннельский уголь: он похож на нее, только чуть темнее и колется слоями, как сланец. Я наблюдал за работой, пока люди не разгрузили платформы почти до конца. Платформ было 20, и трудились там больше ста человек. Каждый, насколько я мог судить, набрал фунтов по пятьдесят угля или «кеннеля». Такое иногда происходит не по одному разу в день, если приходят несколько поездов с грунтом, так что, по-видимому, каждый день уносят по несколько тонн топлива.

Экономика и этика этого дела представляют определенный интерес. Во-первых, выбирать там уголь – незаконно и, формально говоря, ты нарушаешь закон, даже если просто влез на платформу. Бывает, за это привлекают к ответственности: например, сегодня в утреннем «Экзаминере» сообщение, что 3 человека были за это оштрафованы. Но людей это не останавливает, и один из оштрафованных сегодня там был. С другой стороны, компания не намерена выбирать уголь из отвалов – такая сортировка не окупится. Так что если этот уголь не украдут, он просто пропадет. Кроме того, компания при этом экономит деньги на разгрузке платформ: к тому времени, когда люди закончат выбирать уголь, платформы будут пусты. Поэтому на такие налеты смотрят сквозь пальцы (я заметил, что машинист не обращал внимания на людей, влезавших на платформы). А преследуется это периодически из-за того, что, по рассказам, часты несчастные случаи. Совсем недавно человек попал под колеса и ему отрезало обе ноги. Учитывая, с какой скоростью идет поезд, можно только удивляться, что такие несчастья не происходят чаще.

Самое любопытное транспортное средство для перевозки угля, какое я видел, было сделано из упаковочного ящика и двух скалок вместо колес.

Часть украденного угля, по рассказам, продается в городе по 1 ш. 6 п. за мешок.

21.2.36

Грязь в этом доме начинает действовать мне на нервы. Здесь ничего не чистят и не вытирают пыль, в комнатах не убирают до пяти часов вечера, скатерть на столе в кухне никогда не меняют. За ужином видишь крошки, оставшиеся от завтрака. Самое противное – миссис Ф. все время лежит на диване в кухне. У нее отвратительная привычка отрывать полоски от газеты, вытирать ими рот и затем бросать их на пол. Сегодня утром во время завтрака под столом ночной горшок с содержимым. Еда тоже отвратительная. Дают маленькие, за два пенса, готовые пироги с говядиной и почками. Слышал жуткие рассказы о погребах, где хранится требуха, кишасяя черными жуками. По-видимому, продукты поставляют через большие интервалы. Миссис Ф. датирует события этими поставками. «Дайте сообразить. Мне с тех пор три раза привозили заморозку (замороженную требуху)» и т. п. Насколько могу судить, «заморозку» привозят раз в две недели. И очень утомительно лежать, когда не можешь ночью вытянуть ноги.

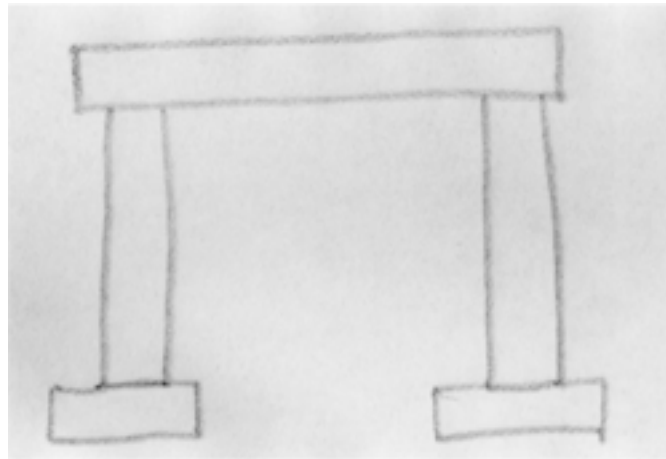
24.2.36

Вчера спустился в шахту Криппена с Джерри Кеннаном^[35], его другом, тоже электриком, двумя маленькими сыновьями последнего, еще двумя электриками и инженером, который водил нас по шахте. Глубина ствола 300 ярдов. Спустились в 10:30, поднялись в 1:30, прошли, по словам инженера, около двух миль.

Когда клеть идет вниз, к горлу на секунду подкатывает, а потом закладывает уши. На середине пути клеть набирает огромную скорость (говорят, что в некоторых глубоких шахтах доходит до шестидесяти миль в час и больше), потом замедляется так резко, что кажется, она

снова пошла вверх. Клетки маленькие – футов 8 длиной, $3\frac{1}{2}$ – в ширину и высотой 6 футов. Должны вмещать 10 человек или (я думаю) тонны полторы угля. Нас было шестеро взрослых и двое мальчиков, но поместились с трудом; важно стоять лицом в направлении движения, а выход с обратной стороны.

Внизу оказалось светлее, чем я ожидал: кроме ламп, которые были у каждого из нас, в квершлагах постоянные электрические лампы. Но чего я еще меньше ожидал – это низкие потолки. Я смутно представлял себе нечто вроде туннелей метро, но на самом деле там очень мало мест, где ты можешь выпрямиться. Высота потолка обычно 4 фута или 4 фута с половиной, иногда гораздо меньше, и то и дело встречается балка толще других, так что надо сгибаться под ней в три погибели. Местами стены ровные, почти как каменные стенки в Дербишире, – пласты сланцевой глины. Крепежные стойки почти все деревянные, тонкие бревна лиственницы нужной длины (увидев, сколько их, я понял, почему люди, закладывая плантации, почти всегда сажают лиственницу). Балка просто кладется на стойки, стойки опираются на деревянные лафеты вот так:

и никак не фиксируются. Опорные лафеты постепенно погружаются в землю – «пол поднимается», говорят шахтеры, но вес кровли сам придает устойчивость конструкции. Между прочим, стальные балки, заменяющие дерево, прогнулись – и это дает представление о тяжести кровли. Под ногами толстый слой каменной пыли и рельсы для вагонеток, ширина колеи примерно два с половиной фута. Если колея идет под гору, шахтеры часто съезжают по ней в деревянных башмаках: углубление в подошве более или менее соответствует рельсу.

После нескольких сотен ярдов ходьбы согнувшись ощутил сильнейшую боль в бедрах. И хруст в шее оттого, что, согнувшись, вынужден смотреть вверх, чтобы не стукнуться головой о балку, но боль в ногах сильнее. Чем ближе к забою, тем потолок ниже. Один раз должны были ползти по временному тоннелю без крепи, похожему на увеличенную крысиную нору, а в одном месте ночью обрушилась кровля – наверное, 3 или 4¹⁵ тонны камня. Он перегородил дорогу, остался только тесный лаз под потолком, и пришлось ползти, да так, чтобы не задеть балки. В конце концов мне пришлось остановиться на минуту, чтобы дать отдых коленям, а еще через сотню-другую ярдов мы добрались до забоя. Он был маленький, работали всего двое с инструментом, похожим на увеличенный электрический молоток^[36], которым пользуются при ремонте улиц. Рядом стояло динамо (или как оно там называется), подающее по кабелям энергию этому и другим механизмам. Отбойные молотки сравнительно маленькие, но весят 50 фунтов, и носят их на плече; бурами сверлят отверстия для взрывчатки. Шахтерские

¹⁵ Джерри Кеннан сказал 20 или 30. Не знаю, кто из нас оценил точнее. [Рукописное примечание Оруэлла.]

инструменты надеты на проволочное кольцо наподобие связки ключей – это делается, чтобы они не терялись.

Мы прошли еще несколько сотен ярдов до одного из главных забоев. В это время там не работали, но к забою ярдах в двухстах пятидесяти дальше шла новая смена. Здесь была большая машина, которую обслуживала бригада из пяти человек. У машины вращающийся диск с зубьями дюйма два длиной, посаженными под разными углами. В принципе, она похожа на сильно утолщенную циркулярную пилу, только зубья расставлены гораздо шире, и работает она в горизонтальном положении, а не вертикальном. Бригада передвигает ее в забое, ее передняя часть может заворачиваться в любом направлении, и машинист подводит ее к груди забоя. Двое лопатами грузят уголь на резиновую ленту транспортера, который везет его к вагонеткам в штреке, и паровой погрузчик грузит их в клетки. Я не представлял себе, что операторы врубной машины работают в пространстве меньше ярда высотой. Когда мы подползли к груди забоя, там в лучшем случае можно было стоять на коленях, и то согнувшись. Думаю, большую часть времени людям приходится работать лежа на животе. Жара тоже ужасная – градусов под сорок, насколько могу судить. Машина вгрызается в пласт, продельвает полукруглую выемку, ее периодически продвигают вперед и ставят подпорки. Я изумлялся тому, как эту громадную машину – плоскую, конечно, но в 6 или 8 футов длиной, весящую несколько тонн и снабженную полозьями, а не колесами, – могли переправить сюда по тоннелям длиной в милю или около того. Даже продвигать ее в пласт – чудовищный труд, учитывая, что делают это практически лежа. В забое мы увидели мышей, их, говорят, здесь множество. Больше всего, по рассказам, в шахтах, где есть или были лошади. Не понимаю, как они вообще могли очутиться в шахтах: якобы мышь (благодаря тому, что поверхность тела у нее велика по отношению к весу) может упасть с любой высоты и не разбиться.

На обратном пути я настолько устал, что едва мог двигаться, каждые пятьдесят шагов останавливался передохнуть. Под каждой балкой приходилось нагибаться, потом распрямляться – мучительные усилия, и неслыханное облегчение – выпрямиться во весь рост, когда в кровле выемка. Иногда, встав на колени, не мог подняться: ноги отказывали. Еще хуже, что ниже всего кровля на уклонах, и приходится идти не только согнувшись, но еще и боком. Мы были изрядно угнетены – все, кроме водившего нас инженера, привычного ко всему, и двух мальчиков, которым не нужно было нагибаться. Хуже всего досталось мне – как самому высокому. Хотелось бы знать, есть ли среди шахтеров люди моего роста и, если есть, страдают ли они от этого. Шахтеры, которых мы встречали внизу, двигались необычайно живо, бегали между подпорок на четвереньках, по-собачьи.

Поднявшись наконец на поверхность, мы смыли самую заметную грязь и выпили пива. Я пошел домой, пообедал и долго отмокал в горячей ванне. Меня поразило количество приставшей грязи и то, как трудно ее отмыть. Она въелась в каждый дюйм моего тела, несмотря на комбинезон и всю одежду под ним.

Ванны есть у немногих шахтеров, чаще это лохань с водой перед очагом в кухне. Скажу, что соблюдать чистоту, не имея в доме нормальной ванны, невозможно.

В помещении, где мы переодевались, было несколько клеток с канарейками. Этого требует закон – для проверки воздуха, предотвращения взрывов. Их спускают в шахту, и, если они не падают в обморок, воздух безопасен.

Лампы Дэви светят довольно хорошо. Пламя в них отделено от окружающей атмосферы мелкой сеткой. Оно не может пройти наружу, если сетка достаточно мелкая. Необходимый для горения воздух она пропускает внутрь, а огонь наружу не пропускает, что позволяет избежать взрыва опасного газа в воздухе. Полностью запрошенная лампа горит 8–12 часов. Лампа заперта, так что если она погасла в шахте, зажечь ее снова нельзя. Шахтеров перед спуском обыскивают, чтобы не брали вниз спички.

27.2.36

В среду (25-го) отправился в Ливерпуль повидаться с Дайнерами^[37] и Гарреттом^[38]. Должен был вернуться тем же вечером, но, приехав в Ливерпуль, сразу почувствовал себя плохо и позорно разболелся, так что Дайнеры уложили меня в постель и настояли, чтобы я остался на ночь^[39]. Вернулся вчера вечером.

Гарретт произвел на меня большое впечатление. Знай я, что он пишет под псевдонимом Мэтт Лоу в «Адельфи» и кое-где еще, постарался бы познакомиться с ним раньше. Крупный, крепкий малый лет тридцати шести, ливерпульский ирландец, воспитывался в католичестве, но теперь коммунист. Говорит, что за последние 6 (кажется) лет имел работу месяцев 9. Мальчишкой пошел во флот, около десяти лет плавал, потом был докером. Во время войны его корабль торпедировали, и он затонул за 7 минут, но они ожидали торпедной атаки и приготовили шлюпки заранее – все спаслись, кроме радиста, который отказался покинуть пост, пока не получит ответа. Во время сухого закона работал в подпольной пивоварне в Чикаго, видел налеты, видел Батлинга Сики^[40] сразу после того, как его застрелили на улице, и т. д., и т. д. Все это, однако, занимает его гораздо меньше, чем коммунистическая политика. Я убеждал его написать автобиографию, но он живет в двух комнатах на пособие, с женой (которая, как я понял, не одобряет его писательства) и несколькими детьми, так что не может усесться за длительную работу и пишет только рассказы. Не говоря уже о том, что в Ливерпуле страшная безработица, он повсюду в черных списках как коммунист и для него найти работу почти невозможно.

Он повел меня в доки посмотреть, как берут портовых рабочих на разгрузку судна. Придя туда, мы увидели человек 200, стоявших кольцом, и сдерживавшую их полицию. Выяснилось, что ждет разгрузки судно с фруктами, нужна рабочая сила и между грузчиками завязалась драка; чтобы остановить ее, потребовалось вмешательство полиции. Через некоторое время вышел агент компании (называется стивидором, если не ошибаюсь) и начал выкликать фамилии, а вернее, номера бригад, заранее нанятых этим же днем. Затем ему понадобились еще 10 человек, и он стал обходить кольцо, выбирая там и сям по одному. Он останавливался, выбирал человека, хватал за плечо и тащил вперед, совсем как на ярмарке скота. Наконец он объявил, что это всё. Среди оставшихся раздалось подобие стоны, и они побрели прочь: из двухсот человек наняли полсотни. По-видимому, безработным докерам надо записываться дважды в день, иначе считается, что они работали (поскольку работа большей частью поденная), и из пособия за этот день вычитают.

На меня произвело впечатление то, что в Ливерпуле реконструкция трущоб идет энергичнее, чем в большинстве городов. Трущобы все еще очень мрачные, но уже много муниципальных домов и квартир, сдаваемых за небольшую плату. Рядом с Ливерпулем есть небольшие города с исключительно муниципальными домами, вполне пригодными для житья и приличными с виду, но обычный их недостаток в том, что они далеко от работы. В центре такого городка громадные многоквартирные дома по образцу венских. Они выстроены в форме большого кольца, пятиэтажные, вокруг центрального двора диаметром около шестидесяти ярдов, отведенного под детскую площадку. По внутренней стороне идут балконы, по обеим сторонам – широкие окна, так что всем достается сколько-то солнечного света. Мне не удалось попасть в квартиры, но, полагаю, в них по 2 или 3¹⁶ комнаты, кухонька и ванная с горячей водой. Квартирная плата от семи шиллингов на верхнем этаже до 10 на нижнем. (Лифтов, конечно, нет.) Примечательно, что для людей в Ливерпуле стало привычно жить в квартирах,

¹⁶ По-видимому, 3: общая комната и 2 спальни. [Рукописное примечание Оруэлла.]

тогда как в Уигане, например, даже понимая, что квартиры позволяют жить близко к работе, люди предпочитают собственные дома, даже самые убогие.

Тут надо отметить несколько интересных моментов. Переселением занимаются почти исключительно муниципалитеты, и его, как говорят, проводят безжалостно по отношению к частным владениям и готовы отчуждать трущобные дома без компенсации. Здесь, таким образом, мы имеем дело с социалистическим законодательством, хотя проводят его местные власти. Но муниципалитет Ливерпуля почти целиком консервативный. Кроме того, хотя переселение осуществляется из бюджетных средств, т. е., как я сказал, это мера социалистическая, саму работу выполняют частные подрядчики и можно предположить, что здесь и в других местах подрядчиками будут друзья, братья, племянники и т. д. муниципальных деятелей. То есть в какой-то момент социализм от капитализма уже нелегко отличить, государство и капиталист сливаются в одно.

На другом берегу реки Мерси, биркенхедском (мы приехали туда по туннелю под рекой) вы имеете Порт-Санлайт, город в городе, построенный мыловаренной компанией «Леверхалм» и ей принадлежащий. Здесь великолепные дома со сравнительно маленькой квартирной платой, но, как и с муниципальным жильем, масса ограничений. Глядя на муниципальные здания на одном берегу и на дома «Леверхалма» – на другом, трудно определить, какие из них чьи.

Другой момент вот какой. Ливерпулем фактически управляют католики. Римско-католический идеал, по крайней мере в трактовке писателя типа Честертона-Бичкомбера^[41], всегда поддержка частной собственности против социалистического законодательства и «прогресса» вообще. Писатель типа Честертон хочет видеть свободного крестьянина или иного частного собственника, живущего в собственном домике, пусть даже без водопровода и канализации, а не раба на зарплате в отличной муниципальной квартире, связанного по рукам и ногам удобствами и т. п. Так что ливерпульские католики идут против подразумеваемых положений своей религии. Но полагаю, если бы Честертон и ему подобные поняли, что католики могут завладеть аппаратом местной и других властей, даже когда те именуется социалистическими, они заговорили бы по-другому.

Ни деревянных башмаков, ни головных платков в Ливерпуле. Возвращаясь на автомобиле, заметил, что они вдруг возникают чуть западнее Уигана¹⁷.

Пытаюсь устроить себе возвращение в Лондон морем, если Г. найдет мне место на грузовом судне.

Купил два латунных подсвечника и корабль в бутылке. Г. считает, что меня надули, но подсвечники красивые.

2.3.36

На Уоллес-роуд, 154, Шеффилд. Когда приехал, всюду глубокий снег на холмах. Каменные стенки между полями, как черная оторочка на белом платье. Но тепло и солнечно. Впервые в жизни видел, как совокупаются грачи^[42]. На земле, не на дереве. Интересная манера ухаживания. Самка стояла, раскрыв клюв, а самец ходил вокруг нее, и казалось, что кормит ее.

Воспоминания о Уигане. Горы шлака, дым, ряды закопченных домов, липкая грязь в следах деревянных башмаков, на углах стоят плотные женщины с младенцами, укутанными в платки, груды уцененного шоколадного лома в кондитерских витринах.

¹⁷ В Уигане все говорят, что деревянные башмаки отошли. Только, по моим наблюдениям, в бедных кварталах клоги носит каждый второй, и есть магазины (я думаю), где ничего другого и не продают. [Рукописное примечание Оруэлла.]

3.3.36

Этот дом: две наверху, две внизу, общая комната, примерно 14 футов на 12, гостиная значительно меньше. В общей – раковина и медная посуда, газа нет, туалет снаружи. Плата – около 8½ ш. Погребка 2. Муж без работы (К. О. П.^[43] – был кладовщиком на фабрике, она закрылась, и все были уволены), жена-поденщица, 6 п. в час. Один ребенок пяти лет.

Джеймс Браун, 45 лет, но выглядит моложе. У него деформированная правая рука и одна ступня. Дефекты врожденные, он боится, что это может передаться потомству, и потому не женится. Из-за этого ему трудно было найти постоянную работу. Несколько лет работал в цирке конюхом, клоуном и наездником в «Диком Западе»: видимо, мог управляться с поводьями, несмотря на руку. Сейчас живет один и по какой-то причине не получает пособия, иногда что-то подкидывает район и помогает брат. У него одна комната с открытым очагом, печки нет, готовить не на чем. Страшно озлоблен и говорит, что истинный социалист должен ненавидеть буржуазию и даже отдельных конкретных ее представителей. Тем не менее хороший малый и всегда рвется помочь. К его политическим настроениям примешивается обычный местный патриотизм йоркширца, и в разговорах он часто сравнивает Лондон с Шеффилдом, к невыгоде первого. Шеффилд превосходит Лондон во всем. Пример: с одной стороны, застройка в Шеффилде неизмеримо лучше; с другой стороны, таких убогих трущоб, как шеффилдские, в Лондоне не найдешь. Заметил, что, помимо обычной нелюбви между северянами и южанами, есть еще неприязнь между йоркширцами и ланкаширцами и вдобавок местечковая неприязнь между йоркширскими городами. Здесь как будто никто не слышал о других местах на юге Англии, кроме Лондона. Если ты приехал с юга, значит, ты кокни, сколько бы это ни отрицал. Северянин южанина презирает и в то же время обеспокоен тем, что последний лучше умеет жить, и он всячески хочет произвести на южанина впечатление.

Очень долгий, изнурительный день (продолжаю запись 4 марта), мне показали все уголки Шеффилда. Я пересек весь город где пешком, где на трамвае. Днем он показался мне одним из самых ужасающих мест, какие я видел. Куда ни кинешь взгляд – один и тот же ландшафт, колоссальные трубы, извергающие дым, где черный, где с розовым оттенком (говорят, из-за серы). Серой воздух пахнет все время. Все дома чернеют через год или два после постройки. Остановившись где-то, я подсчитал, сколько мне видно фабричных труб, насчитал 33. Но в небе был, кроме дыма, туман, и в ясный день я насчитал бы больше. Сомневаюсь, что в городе есть хоть одно архитектурно пристойное здание. Город холмистый (говорят, построен на семи холмах, как Рим), всюду улицы с закопченными дрянными домишками, пересекаются под острыми углами, мощенные булыжником, нарочно неровным, чтобы лошади и пр. не скользили. Ночью холмистость создает красивый эффект: смотришь с одного холма на другой и видишь цепочки фонарей, мерцающих, как звезды. Время от времени над литейными встают столбы пламени (сейчас многие работают в ночную смену) и светят сквозь дым и пар красивым розовым светом. Если заглянуть внутрь, видишь огромных огненных змей – докрасна и добела (на самом деле лимонного цвета) раскаленные заготовки, из которых прокатываются рельсы. В центральной – трущобной – части города небольшие мастерские «маленьких боссов» – мелких предпринимателей, по большей части изготавливающих ножи, вилки и пр. Кажется, никогда в жизни не видел столько разбитых окон. В некоторых мастерских едва ли найдется хоть одно целое окно – не поверишь, что дом обитаем, пока не увидишь внутри работающих там – молодых женщин, как правило.

Город сносят и отстраивают с необычайной быстротой. Среди трущоб повсюду зияния с грудами кирпичей на месте снесенных домов, а на всех окраинах растут кварталы новых муниципальных домов. Эти гораздо хуже, во всяком случае с виду, чем в Ливерпуле. И расположение их ужасно унылое. Один такой, позади которого я живу, стоит на самой вершине холма,

среди жуткой вязкой глины, и обдувается ледяными ветрами. Надо отметить, что жители трущоб, переехав в эти новые дома, будут платить за жилье больше, тратить больше на отопление. И во многих случаях будут дальше от работы и больше тратить на транспорт.

Вечером меня повели в методистскую церковь, где раз в неделю собирается некое общество (они называют себя «Братством»^[44]) слушать лекцию и дискутировать. На будущей неделе выступает коммунист, к явному огорчению священника, объявившего об этом. На этой неделе другой священник говорил о «чистой и грязной воде». Его лекция состояла из невероятно глупых и бессвязных рассуждений о «Приключениях чернокожей девушки, отправившейся на поиски Бога»^[45] Бернарда Шоу и т. п. Большая часть слушателей не поняла ни слова и была настолько непереносима, что мы с Брауном и его другом почти не слушали, а последовавшие разговоры и вопросы были настолько непереносимы, что мы с Брауном и его другом Биннсом улизнули, проводили Биннса до дома, вернулись домой, после чего я написал заметки. Б. говорит, что большинство членов этого Братства безработные и готовы вытерпеть что угодно ради теплого места, где можно провести несколько часов.

Акцент в Шеффилде не такой сильный, как в Ланкашире. Очень немногие мужчины, полагаю преимущественно шахтеры, носят деревянные башмаки.

5.3.36

Эскорт-авеню, 21, Хедингли, Лидс^[46].

Выехал из Шеффилда сегодня утром в 10.30 и, несмотря на то что город ужасный и приятно вернуться в уютный дом, расставаться с Серлами было жалко. Я редко встречал таких искренне любезных людей. Они были бесконечно добры ко мне, и, надеюсь, я им понравился. Постепенно узнал историю их жизни. В молодости он поступил в армию, в артиллерийско-техническую службу (или как это называется) оккупационных войск в Палестине и Египте. У него яркие воспоминания о Египте, и ему хотелось бы побывать там снова. С тех пор у него были только кратковременные работы, например кладовщиком и контрольным весовщиком в разных местах, носильщиком на вокзале. Миссис С. происходит из несколько более зажиточной семьи, ее отец еще несколько недель назад¹⁸ работал на хорошем месте за £5 в неделю и подрабатывал изготовлением удочек.

Но семья была очень большая, и она пошла в служанки. Она вышла за С., когда он жил на пособие, семья была против. Поначалу они не могли снять дом и жили в одной комнате, где родились двое детей и один умер. Они рассказали мне, что у них была одна кровать на всех, и мертвого младенца «переложили» в детскую коляску. В конце концов, после страшных трудностей (одна из них – владельцы частных домов не любят пускать людей, живущих на пособие, а агенты не чураются взяточничества), сняли этот дом, за который платят 8 ш. 6 п. в неделю. Миссис С. зарабатывает поденной работой 9 ш. в неделю. Не знаю, сколько вычитают за это из пособия С., но их общий доход – 32 ш. 6 п. При этом мне стоило больших трудов уговорить их, чтобы брали нормальные деньги за мой постой: они хотели всего 6 ш. за полный пансион и жилье с вечера понедельника до утра четверга. Дом содержат в большой чистоте и порядке. При доме садик, хотя там ничего особенного не вырастишь: с одной стороны – фабричные трубы, с другой – газовый завод, и почва плохая. Очень любят друг друга. Удивлялся тому, насколько ясно миссис С. понимает экономическую ситуацию, а также абстрактные идеи – в этом она очень отличается от женщин из рабочего класса, хотя, думаю, она почти неграмотная. Она как будто не возмущается людьми, которых обслуживает, наоборот, говорит, что они добры к ней, но четко понимает положение домашней прислуги. Рассказала, как на днях, при-

¹⁸ Он умер неожиданно, и теперь у его жены нет средств, кроме пенсии по старости и страховки. [Рукописное примечание Оруэлла.]

служивая на обеде, подсчитала стоимость стола (на 5 персон, один только обед) – получилось 6 ш. 3 п., столько выдает Комитет общественной поддержки на ее ребенка за две недели.

Браун был очень отзывчив и воспринял просьбу «показать мне Шеффилд» даже слишком серьезно, так что с утра до позднего вечера меня водили с места на место, в основном пешком, и показывали общественные здания, трущобы, жилые массивы и т. д. Но спутник он утомительный, на очень многое рассержен и слишком зашорен в своих коммунистических убеждениях. В Ротерхеме нам пришлось пообедать в немного более дорогом ресторане: других в окрестности не было, кроме пабов (Б. непьющий), и там он сразу стал ворчать, сетовать на «буржуазную атмосферу» и говорить, что еда этой не переносит. Он заявляет, что буржуазию надо буквально ненавидеть, и я спросил себя, кем я ему представляюсь, поскольку с самого начала он сказал мне, что я буржуазия, и отметил мой выговор «воспитанника закрытой школы». Но, думаю, он склонен был считать меня своего рода почетным пролетарием, раз я безропотно моюсь над раковиной и т. д., а главное, интересуюсь Шеффилдом. Он был очень щедр, и, хотя я сразу сказал ему, что буду платить за него, когда едим вместе, он всячески старался сократить мои расходы. Кажется, он живет на 10 ш. в неделю – это мне сказал Серл. Откуда берутся у Б. эти 10 ш., не знаю, а комната его обходится в 6 ш. Жить на разницу, учитывая топливо, конечно, невозможно. Жить на 4 ш. в неделю (см. Приложение^[47]) можно едва-едва, если ничего не тратишь на топливо, на табак и на одежду. Как я понимаю, Б. иногда подкармливают Серлы и другие друзья, а также брат, у которого сравнительно хорошая служба. Комната у Б. приличная, обставлена культурно – «антикварной» мебелью собственного изготовления и неумелыми, но симпатичными картинами (по большей части с цирком), тоже им написанными. Озлобленность его во многом объясняется сексуальным голоданием. Врожденное уродство препятствует его отношениям с женщинами, он боится, что оно передается потомству (говорит, что женится только на женщине недетородного возраста), а неспособность зарабатывать деньги только усугубляет проблему. Однако во время одной из летних школ «Адельфи» он познакомился с 43-летней наставницей, с которой, насколько я понимаю, близок (когда обстоятельства позволяют), и она согласна выйти за него, но возражают ее родители. Серлы говорят, что он стал гораздо лучше с тех пор, как сошелся с ней: прежде у него случались припадки.

Как-то вечером в доме у Серлов у нас случился спор из-за того, что я помогал миссис С. с мытьем посуды. Оба мужчины этого не одобряли. Миссис С. была в нерешительности. Она сказала, что на севере мужчины из рабочего класса подобных любезностей женщинам не оказывают (женщинам предоставляют делать всю работу по хозяйству самостоятельно, даже когда муж – безработный и сидит себе в удобном кресле); такое положение дел она принимает как данность, но не видит причин, почему бы ему не измениться. Она сказала, что нынче женщинам, особенно молодым, было бы приятно, если бы мужчина открывал для них дверь и т. п. Сегодняшняя ситуация аномальна. Мужчина практически всегда без работы, тогда как женщина иногда работает. При этом женщина делает всю работу по дому, а мужчина пальцем не шевельнет, разве что по столярной части или в садике. Но, думаю, и мужчинам, и женщинам представляется, что он потеряет мужское достоинство, даже если сидит без работы, станет «бабой».

Одна картина Шеффилда особенно запечатлелась в памяти. Страшный пустырь (почему-то здесь они выглядят более мерзко, чем даже в Лондоне), вытопанный, без травы, замусоренный газетами, старыми кастрюлями и т. д. Справа – ряд узких четырехкомнатных домов, темно-красных, закопченных. Слева – бесконечная панорама фабричных труб, труба за трубой, теряющихся в тусклой черноватой дымке. Позади меня – шлаковая железнодорожная насыпь. Впереди, за пустырем, кубическое здание из потемневшего красного и желтого кирпича с вывеской: «Джон Кокрок, подряды на перевозку».

Другие воспоминания о Шеффилде: каменные стены, почернелые от дыма, мелкая река, желтая от химикатов, зубчатые, как циркулярная пила, шапки огня под колпаками над трубами литейных, скрежет и буханье паровых молотов (железо будто кричит от ударов), запах серы, желтая глина, виляющие зады женщин, с трудом толкающих детские коляски вверх по склону.

Рецепт миссис Серл для фруктового кекса (хорош с маслом) – записываю здесь, пока не потерял:

1 фунт муки, 1 яйцо, 4 унции патоки, 4 унции фруктов (или смородины), 8 унций сахара, 6 унций маргарина или лярда.

Смешать сахар с маргарином, добавить взбитое яйцо, добавить патоку, затем муку, поместить в смазанные формы и печь $\frac{1}{2}$ или $\frac{3}{4}$ часа в умеренно нагретой духовке.

И ее рецепт бисквита «54321»: 5 унций муки, 4 унции сахара, 3 унции жира (лучше сливочного масла), 2 яйца, одна чайная ложка разрыхлителя. Смешать так же, как в первом рецепте, и запечь.

7.3.36

Остался до среды у М[арджори] и Х[амфри] на Эсткорт-авеню, Хедингли. Постоянно ощущается разница в атмосфере между домом людей среднего класса, даже такого, и домом рабочего. Главное – здесь есть *простор*, хотя живут здесь сейчас пятеро взрослых и трое детей, не считая животных. Особого покоя и тишины при детях нет, но если хочешь уединиться, то можешь; в доме рабочего это невозможно – ни днем, ни ночью.

Одно из неудобств, неизбежных в жизни рабочего, – необходимость *ждать*. Если вы на жалованье, его переводят вам в банк и вы забираете его, когда хотите. Если вы на повременной или сдельной зарплате, вы должны приходиться за ней, когда это удобно кому-то, да еще, может быть, придется ждать, притом вести себя так, словно вам делают одолжение. Когда мистер Хорнби в Уигане ходил на шахту за компенсацией, по какой-то непонятной причине делать это надо было дважды в неделю и час ждать на холоде, чтобы дали деньги. Плюс две поездки на трамвае до шахты и обратно – они обходились ему в 1 шиллинг, так что недельная выплата в 29 ш. сокращалась до 28. Он, конечно, принимал это как данность. Людей к этому всему долго приучали, и если буржуа идет по жизни, полагая, что получит все что хочет – в определенных пределах, – то рабочий человек ощущает себя рабом более или менее таинственной власти. На меня произвел впечатление такой случай: когда я пошел в шеффилдский муниципалитет, чтобы получить некоторые статистические данные^[48], Браун и Серл, люди более твердые, чем я, заробели, не вошли со мной в кабинет, полагая, что секретарь городского совета откажет в информации. Они сказали: «Вам он, может быть, и даст ее, а нам – нет». Секретарь оказался чванливым, и я получил не всю информацию, какую просил. Но суть в том, что я рассчитывал получить ответ на мои вопросы, а они оба предполагали отказ.

Вот почему в странах, где существует классовая иерархия, в напряженные моменты на авансцену выходят представители высших классов, хотя они и не одареннее других. То, что это происходит именно так, считается само собой разумеющимся всегда и везде. NB. Заглянуть в то место «Истории Парижской коммуны» Лиссагарэ, где описываются расстрелы после подавления Коммуны. Расстреливали вожakov без суда, а кто вожаки, не знали, брали, исходя из того, что вожаками должны были быть люди более высоких сословий. Одного человека расстреляли потому, что у него были часы, другого – за «умное лицо». NB. Заглянуть в этот отрывок.

Вчера с Х. и М. в доме священника в Хоэрте, где жили сестры Бронте, ныне музей. Запомнились больше всего сапожки Шарлотты Бронте с полотняным верхом, очень маленькие, с квадратными носами и шнуровкой сбоку.

9.3.36

Вчера с Х. и М. в их коттедже в Миддлсмуре над краем вересковой пустоши. Может быть, это время года такое, но даже здесь, наверху, за много миль от индустриальных городов, местность выглядит задымленной, как и всё в этих краях. Трава тусклая, ручьи илистые, дома почернелые, словно от дыма. Везде лежал снег, но таял – слякоть. Овцы очень грязные, ягнят не видно. Верба, новые побеги первоцвета, никакого движения в окрестности.

11.3.36

Последние два вечера в «дискуссионных группах»: раз в неделю люди собираются, слушают радиопередачу, а затем ее обсуждают. В понедельник это были в основном безработные, и, думаю, «дискуссионные группы» были организованы или, по крайней мере, идея их предложена людьми из социального обеспечения, которые ведают центрами занятости. В понедельник вечер был чинный и довольно скучный. Тринадцать человек, включая нас (еще одна женщина, кроме М[арджори]), собрались в комнате, прилегающей к публичной библиотеке. Беседовали о пьесе Голсуорси «Без перчаток»^[49], после чего большинство из нас отправились в паб поесть хлеба с сыром и выпить пива. Доминировали в собрании двое: громадный упрямый мужчина по фамилии Роу, оспаривавший каждого высказывавшегося и чудовищно противоречивший самому себе, и другой, помоложе, очень разумный и хорошо информированный человек по фамилии Крид. По чистому выговору, тихому голосу и широкой осведомленности я определил его как библиотечного работника. Оказалось, он держит табачный магазин, а прежде был коммивояжером. Во время войны сидел в тюрьме за принципиальный отказ от воинской службы. Другое собрание состоялось в пабе, с участниками более высокого социального статуса. М[арджори] и Х[амфри] принесли портативный радиоприемник, а владелец бара предоставил им на вечер комнату. На этот раз радиобеседа была «Если бы Платон жил сегодня», но, кроме М. и меня, никто практически не слушал – Х. уехал в Бедфорд. Когда беседа закончилась, ввалились хозяин бара, совершенно лысый канадец, огородник, уже сильно навеселе, и еще один человек и началась попойка, с которой мы через час не без труда сбежали. Оба вечера было много разговоров о ситуации в Европе, и большинство участников говорили (некоторые с плохо скрываемой надеждой), что война неизбежна. За двумя исключениями все настроены прогермански.

Сегодня в Барнсли, договаривался о жилье. Уайлд, секретарь Йоркширского отделения Союза рабочих клубов и институтов, все устроил. Адрес: Агнес-авеню, 4. Обычный дом, 2 комнаты наверху, 2 – внизу, с раковиной в общей комнате, как в Шеффилде. Муж – шахтер, был на работе, когда мы пришли. В доме беспорядок – день уборки, но чисто. Уайлд любезен, готов помочь, но личность туманная. До 1924 года работал шахтером, но, как обычно, обуржуазился. Элегантно одет, в перчатках, с зонтом, говор почти не слышен – по виду я принял бы его за юриста-солиситора.

Барнсли чуть меньше Уигана – около 70 000 жителей, но определенно не такой нищий, во всяком случае внешне. Магазины гораздо лучше, и заметно активнее деловая жизнь. С утренней смены идут домой шахтеры. Большинство в деревянных башмаках, но с квадратными носами, в отличие от ланкаширских.

13.3.36

В Барнсли на Агнес-террас, 4^[50]. Этот дом оказался больше, чем я думал. Две комнаты и маленькая кладовка под лестницей на первом этаже и 3 или 4¹⁹ комнаты наверху. В доме 8 человек – пятеро взрослых и трое детей. Фасадная комната, которая должна была бы служить гостиной, используется как спальня. Общая комната, примерно 14х12 ф.; в ней, как обычно, плита, раковина и медная посуда. Газовой плиты нет. Электрическое освещение во всех комнатах, кроме одной. Туалет снаружи.

Семья. Мистер Грей, невысокий, сильный человек, лет сорока трех, с грубыми чертами лица, большим носом, очень усталого вида, бледный. Лысоват, зубы свои (редкость у рабочего его лет), но пожелтелые. Глуховат, но любит поговорить, особенно о технических деталях шахтерского дела. Работать в шахте начал мальчиком. Один раз его завалило землей или камнями, кости остались целы, но откапывали его десять минут и два часа тащили до клетки. Говорит, что для транспортировки пострадавших никаких приспособлений (носилки и пр.) нет. Наверное, можно придумать носилки для перевозки по рельсам, но это остановило бы вывоз угля. Поэтому пострадавших несут товарищи, сгибаясь в три погибели и очень медленно. Мистер Г. грузит в вагонетки вырубленный уголь – называется как будто «штыб». Ему и его напарнику платят сдельно 2 ш. 2 п. за тонну, т. е. по 1 ш. 1 п. каждому. При полном рабочем дне получается в среднем 2 ф. 10 ш. в неделю. Простой обходятся ему в 6 ш. 11 п. Он работает в Дартоне, примерно в четырех милях, ездит автобусом^[51]. На дорогу уходит в день 6 п. Так что чистыми при полной занятости получается £2 в неделю.

Миссис Г. лет на 10 моложе²⁰, хозяйственная, заботливая мать, все время стряпает и убирает, говор меньше заметен, чем у мужа. Две девочки, Дорин и Айрин, 11 и 10 лет. Другие жильцы: вдовый плотник, работает на стройке собачьих бегов; его сын лет одиннадцати; профессиональная певица, собирается петь в одном из пабов. Все большие пабы в Барнсли более или менее регулярно нанимают певиц и танцовщиц (некоторые весьма аморальны, по словам миссис Г.).

В доме очень чисто и аккуратно, моя комната – лучшая из всех, какие у меня здесь были. Постельное белье на этот раз байковое.

14.3.36

Вчера вечером долго говорили с мистером Г. о его военном опыте. Особенно о симуляциях, которые он наблюдал, будучи ранен в ногу, и о проницательности врачей, разоблачавших симулянтов. Один солдат изображал полную глухоту и выдержал все проверки, продолжавшиеся два часа. Наконец ему объяснили знаками, что он забракован и может идти, и, когда он был уже в дверях, врач небрежно сказал: «Закройте дверь, ладно?» Он обернулся, закрыл дверь и был признан годным. Другой симулировал сумасшествие и преуспел. День за днем он ходил по госпиталю с согнутой булавкой на бечевке, изображая, что удит рыбу. В итоге его освободили от призыва, и, прощаясь с Г., он показал увольнительные документы и сказал: «Вот что я выудил». Я вспомнил симулянтов в парижской «Опиталь Кошен»^[52]

¹⁹ 3. [Рукописное примечание Оруэлла.]

²⁰ На самом деле им 50 и 38. [Рукописное примечание Оруэлла.]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Ковент-Гарден: в то время и триста лет до того – центральный фруктовый и овощной рынок Лондона. В 1974 году перенесен в район Найн-Элмс, в Баттерси.

2.

Церковь св. Мартина (на полях): St. Martin-in-the-Fields Church расположена напротив северо-восточного угла Трафальгарской площади. В ее крипте давали приют нищим. Дают и по сей день.

3.

Eugénie Grandet: «Евгения Гранде», роман Оноре де Бальзака (1834) из «Сцен провинциальной жизни».

4.

«Так вещает о весне... Гебридских островов»: искаженное стихотворение Вордсворта «Одинокая жница» (1805): «Так возвещает о весне / Кукушкин оклик, нежный зов / В пустынной дальней стороне / Гебридских островов». (Пер. Игн. Ивановского.)

5.

Борстал: город в Кенте, где была разработана система перевоспитания малолетних правонарушителей путем наказаний, образования и обучения профессиям. Она распространилась на ряд таких заведений, была упразднена Законом о криминальной юстиции 1982 года и заменена системой исправительных центров для молодежи.

6.

«Серый домик на Западе»: сентиментальная песня 1911 года, слова Д. Эрдли-Уилмота, музыка Германа Лора. Ее сделал популярной во время Первой мировой войны австралийский баритон Питер Доусон, чей прекрасный голос преодолевал акустическое несовершенство шеллачных пластинок.

7.

До метрической системы один фунт стерлингов (£1) равнялся двадцати шиллингам, а шиллинг – двенадцати пенсам, так что £1 = 240 пенсам. Сейчас трудно сопоставить цены, потому что стоимость разных товаров существенно различается. Но в грубом приближении цены 1930-х годов надо умножить на 40, чтобы получить сегодняшние цены. Тогдашние шесть шиллингов соответствуют нынешним £12.

8.

Комендант: чиновник, отвечающий за повседневную организацию и дисциплину в приюте для бродяг.

9.

По 9 шиллингов в неделю: £18 по нынешним ценам гораздо меньше теоретических тридцати шиллингов (нынешних £60), о которых говорилось выше.

10.

В первом издании 1968 г. имена опущены.

11.

Тетушку мистера Ф.: тетушка покойного мужа Флоры Финчинг в романе Диккенса «Крошка Доррит». Она осталась на попечении Флоры и звалась просто «тетушкой мистера Ф.». Характеризуется она таким образом: «Характер тетушки мистера Ф., как это сразу бросалось в глаза постороннему наблюдателю, отличался крайней суровостью и угрюмой молчаливостью, последней она лишь время от времени изменяла, отпуская зловещим низким голосом замечания, которые, не имея ни прямой, ни косвенной связи с предметом общего разговора, огорошивали и пугали собеседника». Одно место могло особенно запомниться Оруэллу, в детские годы жившему в Хэнли-на-Темзе: «Тетушка мистера Ф. десять минут молча косилась на всех с угрюмой враждебностью, после чего мрачно изрекла следующее: “Когда мы жили в Хэнли, медник украл у Барнсов гусака”» (гл. 13).

12.

Джордж Белчер (1875–1947) – член Королевской академии искусств. Среди его альбомов с рисунками – «Характеры» (Characters, 1922), «Из жизни» (Taken from life, 1929) и «Жареный голец» (Potted Char, 1933).

13.

Судомоев в Париже: Оруэлл в 1929 году работал судомоем (plongeur); см. книгу «Фунты лиха в Париже и Лондоне», опубликованную в 1933, через два года после эпизода с уборкой хмеля.

14.

«Золотая ветвь. Исследование магии и религии» сэра Джеймса Фрэзера (1854–1941). В 1890 г. – двухтомник, в 1906–1913 – двенадцать томов.

15.

Кровавое воскресенье: демонстрация и беспорядки в Лондоне 13 ноября 1887 года (не 1888-го). Около десяти тысяч протестующих пришли на Трафальгарскую площадь, где перед ними выступали ораторы (в том числе Джордж Бернард Шоу). Они протестовали против положения в Ирландии и требовали освободить члена парламента Уильяма О’Брайена. Им противостояли около двух тысяч полицейских и четыре сотни солдат (хотя солдаты не пользовались штыками и не стреляли).

16.

Биллингсгейт: рыбный рынок (Трафальгар-уэй, Лондон). На нем работало больше пятидесяти торговцев, по большей части продавалась рыба, но также птица и другие продукты (например, картофель). В наши дни он работает со вторника по субботу с пяти до восьми утра; по воскресеньям с шести до восьми утра один торговец продает морепродукты.

17.

Primo Buffo: премьер в комической опере.

18.

Мериден: традиционно считается центром Англии. Здесь установлен памятник мотоциклистам, погибшим на Первой мировой войне.

19.

конические дымоходы... «гончарных труб»: трубы гончарных мастерских.

20.

Озеро Редьярд: Оруэллу пришлось сделать крюк, чтобы дойти до озера Редьярд. Доктор Роберт Фисон объяснил, почему Оруэлл пошел туда. В 1863 году Локвуд Киплинг и Алиса Макдональд устроили там пикник. Через два года они поженились, когда у них родился первенец, назвали его Редьярдом. Редьярд Киплинг умер 18 января 1936 года; Оруэлл отозвался на его смерть 23 января в «Нью инглиш уикли». Оруэлл писал: «Теперь, когда он умер, мне хотелось бы отдать дань уважения – орудийным салютом, если бы такое было возможно, – рассказчику, который столько значил для меня в детстве». Этой данью и был его поход к озеру.

21.

Фрэнк Мид: чиновник Объединенного общества деревообработчиков. Он руководил манчестерским отделением «Адельфи» (журнала, который начиная с 1930 года печатал некоторые рецензии Оруэлла) и был коммерческим директором «Лейборс нордерн войс» – органа Независимой социалистической партии.

22.

Джо Кеннан: в тот период безработный шахтер и активист Независимой рабочей партии. Он нашел Оруэллу комнату у Джо и Лили Андерсонов (в дневнике – мистер и миссис Хорнби). Содержательное интервью Джо Кеннана см. в книге «Воспоминания об Оруэлле» (Orwell Remembered, pp. 130–133). См. также № 19, ниже.

23.

N. U. W. M.: National Unemployed Workers' Movement (Национальное движение безработных рабочих).

24.

Уоррингтон-лейн: иллюстрация в Peter Lewis, George Orwell: The Road to 1984 (1981, p. 50) (Питер Льюис. «Дорога к 1984», с. 50, на той же странице иллюстрация: пирс в Уигане).

25.

Ниастигм – нистагм, непроизвольное подергивание глазного яблока.

26.

10 Общий доход семьи Хорнби приблизительно эквивалентен нынешним £150.

27.

Уол Ханнингтон (1896–1996): один из лидеров Национального движения безработных (NUWM) и автор работ «Трудности безработных 1919–1936» (Unemployed Struggles 1919–1936) и «Проблема районов хронической безработицы» (The Problem of the Depressed Areas), опубликованных Клубом левой книги в ноябре 1937 г. Как и «Дорога на Уиган-Пирс», опубликованная ранее, его книга содержала иллюстрации (32 страницы). Редж Рейнольдс, один из оруэлловских друзей-пацифистов, писал с сочувствием о «Голодных маршах», но отмечал, что люди, собравшиеся в Гайд-Парк-Корнере в Лондоне, «не выглядели голодными, особенно этот упитанный коммунист Уол Ханнингтон, их предводитель». («Моя жизнь и преступления» – My Life and Crimes, 1956, p. 106). Кроме того, он написал полезную брошюру «Господин председатель! Краткое руководство по порядку проведения митингов» (“Mr Chairman! A Short Guide to the Conduct and Procedure of Meetings”, 1950).

28.

Q. V.: quod vide – «смотри там-то» (лат.). В данном случае – в заметках Оруэлла, частично воспроизведенных в Полном собрании, X, 546; также илл. 31 в «Дороге на Уиган-Пирс» (там жилые автоприцепы в Дареме, а не в Уигане).

29.

Различие между двумя отрывками очевидно. В дневниковой записи Оруэлл идет по убогим задворкам. Когда женщина подымает голову и встречается взглядом с Оруэллом, в сцене есть непосредственность контакта.

30.

Дарлингтон-роуд, 22: («роуд» – опечатка, надо «стрит»). Оруэлл выехал с Уоррингтон-лейн, когда миссис Хорнби заболела и должна была лечь в больницу. Ему нашли жилье над скверной лавкой, торговавшей требухой, – описана в гл. 1 «Дороги на Уиган-Пирс». Обычно считается, что адрес ее – Дарлингтон-стрит, 22 (см. Crick, p. 282), но Сидней Смит (p. 1909) утверждает, что на самом деле это Соверен-стрит, 35 и жильцы обитали в соседнем доме № 33. См. Orwell Remembered[14], pp. 136–139. Оруэлл отправлял свои письма с адреса Дарлингтон-стрит, 22.

31.

«Джон Буль»: основан в 1906, первым редактором был Горацио Боттомли (1860–1933). Журнал специализировался на сенсационных новостях и сравнительно дорогих конкурсах. Во время Первой мировой войны Боттомли именовал себя «Другом солдат» и вел кампанию за тюремное заключение Рамсея Макдональда (впоследствии лейбористского премьер-министра); в тюрьму, однако, попал за мошенничество сам Боттомли.

32.

«Лайонс»: в то время сеть популярных чайных и ресторанов.

33.

Эрнст Тельман (1886–1944): транспортный рабочий и председатель Коммунистической партии Германии с 1925 года. Он был депутатом рейхстага в 1924–1933 годах. В 1932 г. баллотировался в президенты страны (другим кандидатом был Гинденбург) и получил пять миллионов голосов. В 1933 г. был арестован; суд несколько раз откладывался, и в октябре 1936 г. было объявлено, что он заключен в тюрьму пожизненно без суда. Официально было объявлено, что он погиб под бомбежкой, но на самом деле его расстреляли в Бухенвальде 18 августа 1944 г. Немцы, сражавшиеся за республику в Испании, сформировали центурию «Тельман» (впоследствии бригада).

34.

«С нами это не пройдет»: Оруэлл упоминает эту песню в «Песнях, которые мы пели» 19 января 1946 г. (CW, XVIII, p. 51) и допускает, что в ней могла «отразиться современная политическая ситуация... возможно, подсознательная реакция на Гитлера».

35.

Джерри (Джо) Кеннан: безработный в тот период горняк, активист Независимой рабочей партии. Он утверждал, что жилье на Уоррингтон-лейн, вопреки критическим замечаниям Оруэлла, было безупречно чистым и что «Оруэлл перебрался в комнату над мясной лавкой в поисках чего-нибудь похуже». Вынужденный или нет, переезд Оруэлла совпал по времени с болезнью миссис Хорнби (см. 14, выше). Кеннан, естественно, мог обидеться на то, что Оруэлл не прислал ему «Дорогу на Уиган-Пирс» с автографом; с другой стороны, он благосклонно

отметил: «Книга честная. Не думаю, что краски сгущены. И думаю, дана ясная картина условий жизни в индустриальных районах в 1936 году» (Orwell Remembered, pp. 130, 133).

36.

Оруэлл, вероятно, имел в виду пневматические отбойные молотки, а не электрические.

37.

Мэй и Джон Дайнеры руководили ливерпульским отделением «Адельфи». Оруэлла познакомил с ними либо Миддлтон Марри, либо Ричард Рис, редакторы «Адельфи». Джон был телефонным инженером. Оруэлл приехал больным и поэтому меньше повидал в Ливерпуле, чем рассчитывал. Он сказал хозяевам, что хотел бы вернуться в Лондон на судне, чтобы самому почувствовать, каковы условия в море. Есть очаровательные воспоминания о нем у Мэй Дайнер в Orwell Remembered, pp. 134–136. Заканчиваются они так: «Он был такой подлинный человек... Мы не испытывали никакого неудобства в его присутствии. Только что он был немногословен, если речь не шла о книгах или предметах, которые его интересовали, об экономическом кризисе... И однако от него исходило тепло, ты ощущала заботу, если угодно».

38.

Джордж Гарретт (1896–1966) был безработным моряком, с которым Оруэлл очень подружился. Он писал в «Адельфи» и рассказы под псевдонимом Матт Лоу (т. е. matelot – моряк). В 1920-х долго жил в США и был членом ИРМ – международной рабочей организации «Индустриальные рабочие мира». Благодаря умению имитировать американский акцент получал маленькие роли в Мерсисайдском театре «Юнити».

39.

Из четырех или пяти дней, что Оруэлл прожил у Дайнеров, три, по их настоянию, он провел в постели (Crick, p. 285).

40.

Баттлинг Сики (1897–1925; урожденный Амаду М'Барик Фаль) – сенегальский боксер, в Первую мировую войну сражался во французском колониальном полку. В начале 1922 года, против ожиданий, нокаутировал знаменитого французского чемпиона Жоржа Карпантье и стал чемпионом мира в полутяжелом весе. Вскоре уступил титул ирландцу Майку Мактигу. Попытка Сики сделать себе имя в США закончилась неудачей, и однажды утром он был застрелен на улице Нью-Йорка. Бой Сики с Карпантье был снят на пленку и широко демонстрировался. Возможно, Оруэлл видел фильм, еще находясь в Бирме.

41.

Честертон-Бичкомбер: Г. К. Честертон, приверженец католической церкви, издатель, плодовитый писатель, создатель образа священника-детектива патера Брауна. Он опубликовал первую профессиональную статью Оруэлла на английском («Газета за фартинг», A Farthing Newspaper, 1928, CW, X, pp. 119–121). Колонку «Бичкомбер» в «Дейли экспресс» завел в 1924 году Дж. Б. Мортон (1893–1979), тоже католик. Колонка была умеренно сатирической, и ее не раз уничижительно поминал Оруэлл в своей колонке «Как мне угодно» (As I Please, № 30 (23 июня 1944), CW, XVI, pp. 262–265).

42.

совокупляются грачи: во всех изданиях «Дороги на Уиган-Пирс» до CW, V, 16, в 16-й строке – «брачуются грачи». Во второй корректуре было «спариваются», но даже это издатель счел

слишком грубым. Согласно письму Эйлин Блэр Голланцу от 17 января 1937 года, Оруэлл первоначально написал «совокупляются», как в дневнике.

43.

К. О. П. – Комитет общественной помощи, орган местной власти, куда могут обратиться не получающие пособия.

44.

Братство: в «1984» О’Брайен объясняет, что те, кто прочел книгу Голдстейна, станут полноправными членами Братства, противостоящего государству (CW, IX, p. 182).

45.

«Приключения чернокожей девушки, отправившейся на поиски Бога» Джорджа Бернарда Шоу, 1932. Автор, надев личину наивной, но умной и любознательной чернокожей девушки, совершает философическое путешествие, задаваясь такими, например, вопросами, как: «Почему Бог – мужчина?» В предисловии Шоу объясняет, что взялся писать эту повесть, застряв в Книсне (Южная Африка) на пять недель «африканским летом и английской зимой 1932 года». Он намеревался написать пьесу, но обнаружил: «Пищу рассказ о чернокожей девушке». Написав его, «продолжал размышлять над его смыслом».

46.

Эсткорт-авеню, 21: дом старшей сестры Оруэлла Марджори (1898–1946) и ее мужа Хамфри Дэйкина (1896–1970). Они поженились в июле 1920 года. Он работал в Национальном сберегательном комитете. Оруэлл время от времени наезжал к ним, «чтобы пописать в доме у заботливой сестры. Хамфри, кажется, был этим недоволен», считая Оруэлла лодырем и деклассированным типом (см. *Orwell Remembered*, pp. 127–130). Оруэлл пробыл у Дэйкинов 5–11 и 26–30 марта 1936 года.

47.

Приложение: вырезка из газеты *News of the World* («Новости мира») от 1 марта 1936 года. В ней говорится, что У. Лич с Лилфод-роуд в Лондоне тратит в неделю на еду всего 3 ш. 11½ п. В ноябре 1993 года я подсчитал стоимость перечисленных продуктов в современных ценах, и получилось приблизительно 8 ф. 80 п. Мистер Лич сообщал, что предпочитал бы варить купленную морковь, но ест ее сырой, поскольку «кипятить воду обошлось бы слишком дорого». Эта деталь заставляет задуматься, насколько правдиво было утверждение мистера Лича. Дальнейшие подробности см. в «Дороге к Уиган-Пирсу».

48.

См. CW, X, pp. 571–575 – статистические сведения, предоставленные инспектором здравоохранения Шеффилда.

49.

«Без перчаток»: трехактная трагикомедия Джона Голсуорси (1920). Сюжет – распря двух семей: одной – старинной, из высшего общества, и другой – из низов, но разбогатевшей. В 1931 году Альфред Хичкок снял по этой пьесе фильм (не из лучших у него). Голсуорси умер незадолго до описываемых событий – в 1933 году.

50.

Террас: несколькими строками выше у Оруэлла «авеню».

51.

автобусом: рукой Оруэлла исправлено первоначальное «на трамвае».

52.

«Опиталь Кошен»: в эту парижскую больницу Оруэлл попал с гриппом и пролежал там с 7 по 22 марта 1929 года. Пребывание там он описал в эссе «Как умирают бедные», 6 ноября 1946, CW, XVIII, pp. 459–467.